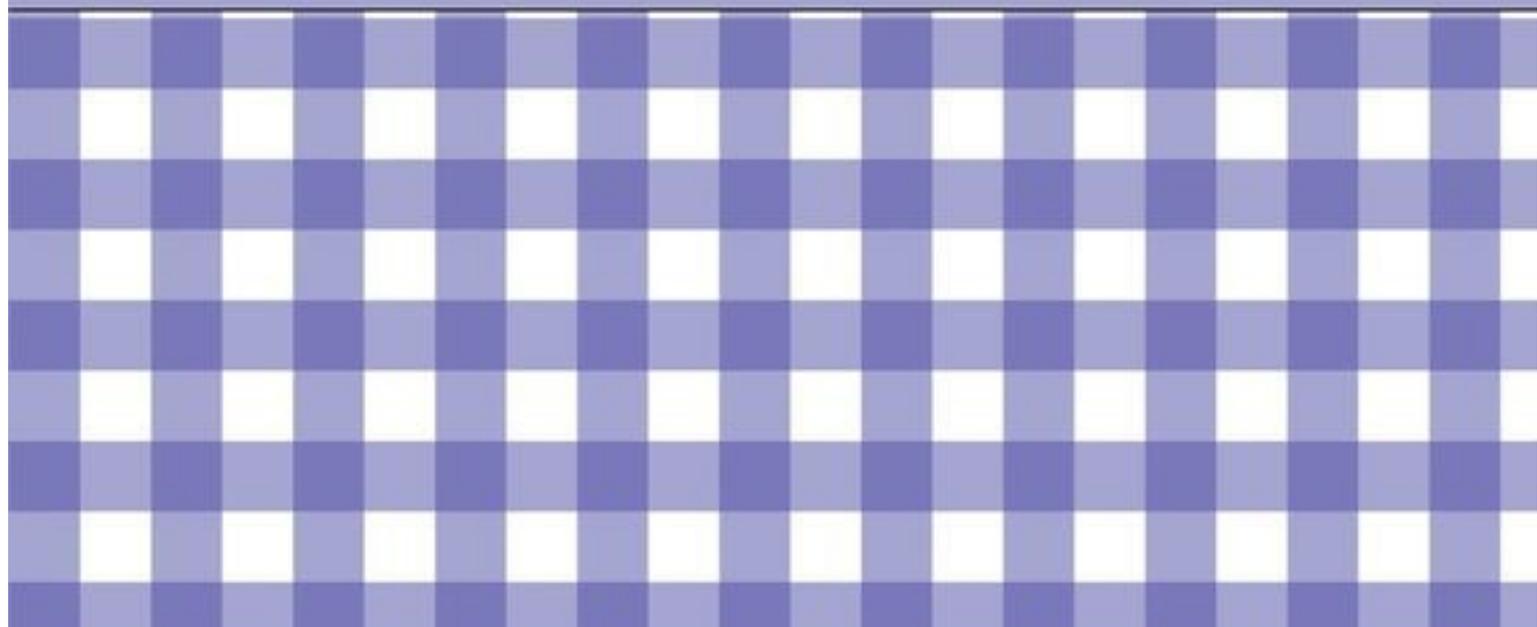

Елена Сперанская

*Обретение
счастья, или
Гравитация
автотрассы*

Современный военный детектив

Елена Сперанская

**Обретение счастья,
или Гравитация
автотрассы. Современный
военный детектив**

«Издательские решения»

Сперанская Е.

Обретение счастья, или Гравитация автотрассы.
Современный военный детектив / Е. Сперанская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832379-9

Книга повествует о криминальном расследовании, связанном с войной в Афганистане — серьезном переломном моменте в биографии нашей страны. Когда речь идет о предательстве и убийстве, нет места подвигу. В этом убеждена талантливая частная сыщица Таня Иванова. Она расследует тяжкое преступление непредсказуемого характера на фоне работы главного полицейского управления города Тарасова.

ISBN 978-5-44-832379-9

© Сперанская Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	27
Глава V	31
Глава VI	37
Глава VII	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Обретение счастья, или Гравитация автотрассы Современный военный детектив Елена Борисовна Сперанская

© Елена Борисовна Сперанская, 2016

ISBN 978-5-4483-2379-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Бывали дни веселые, гулял я, молодец!
Не знал тоски, кручинушки, был вольный удалец.
Бывало, вспашешь пашенку, лошадок запряжешь,
А сам тропой знакомою, в заветный дом пойдешь.*

*Иду, там дожидается красавица моя,
Глаза полуоткрытые, с улыбкою всегда.
Она, моя хорошая. Забыла про меня.
Живет у «черта старого», как в клетке золотой,
Наряжена, как куколка, с распущенной косой.
Напала мысль злодейская: впотьмах нашел топор,
Простился с отцом, матерью, сам вышел через двор.*

*Иду, а ночка темная; вдали журчал ручей.
И дело совершилось... С тех пор я стал злодей.
Теперь в Сибирь, на каторгу угонят молодца
За девку черноокою, за «черта», за купца.
Бывали дни веселые, гулял я молодец!
Не знал тоски, кручинушки, был вольный удалец.*

(Русская народная песня)

Глава I

«Последний день моего существования прошел в пыли дорог и счастливых встреч...», – написал в свой дневник известный писатель, режиссер и сценарист. Он сразу выключил ноутбук, так как услышал неожиданный звонок в дверь и поспешил навстречу судьбе, ожидая получить информацию от своего друга, приезд которого он давно ожидал и надеялся прояснить, что случилось с его последней рукописью, отправленной двумя днями ранее по Интернету своему издателю. С ним тот был на короткой ноге и часто общался в свободное время на презентациях новых книг и бестселлеров.

Приятель – Любкин Толя – отчаянный любитель детективов и юрист по профессии – показался ему сразу навязчивым. Так как он и сам мечтал появиться на пороге светилы науки или литературы, погреть руки в свете рапид и софитов, чтобы со временем включить любого издателя в список своих знакомых, кого он, по сути, презирал. Приобретая популярные издания для вложения денег всяким способом, а затем отправлял знакомым в любые стороны по завышенной цене, существуя таким образом, как можно дольше.

«У счастья нет предела. Пусть и на этот раз мне улыбнется удача!» – произнес гость, доставая из кармана платиновый портсигар, отыскивая в нем остатки прежней роскоши, смешанные с табаком предыдущих встреч со своими однополчанами, кто остался в живых после десятилетней службы в Афганистане. Он закурил, стоя у подъезда.

Его занимало, что он получил за защиту своей страны? Он часто не к месту возмущался на английском языке, выученным в спешке, что пришлось пройти через смрад войны, но остался без средств к элементарному, нормальному существованию.

Его семья в количестве четырех человек, включала отца – дорожного строителя, маму – учительницу немецкого и английского языков и младшего на три года брата. Получив повестку в военкомат на срочную военную службу, Толя не очень обрадовался, так как у отца в это время были проблемы с выездом за границу в США, чтобы спасти детей от армии, как от неминуемой гибели в пустынях Афганистана.

Он оформил визу, вписал туда обоих детей, а с женой предварительно развелся, чтобы сэкономить, так как денег было на дорогу только на троих человек. На текущие расходы и обустройство там денег не было ни копейки. Итого это составляло \$6000 по номиналу конца восьмидесятых, когда доллар котировался примерно полтора рубля. Но такой цены не было в банках, как не было и коммерческих банков. Толе и его брату Васе приходилось тратить заработанные разгрузкой вагонов деньги на покупку долларов по спекулятивной цене, примерно от трех до шести рублей за доллар, чтобы скопить на долгожданный полет в комфортабельном самолете через океан и избежать скоропалительной, всеобъемлющей войны, которую вели противоборствующие державы.

Семья Любкиных накопила нужную сумму в валютном эквиваленте. Теперь дело стало за визой, которую они тут же оформили в американском посольстве, отвалив двадцать долларов за вход и такую же сумму, но в тройном размере, чтобы получить туристическую визу семейного характера. Но так как присутствовать на оформление визы потребовали всех выезжающих, пришлось покупать билет до Москвы для всех троих: отцу и двум детям мужского пола. Они посетили старое десятиэтажное здание с двумя пристройками посольства США на Новинском бульваре, где проживали послы Америки в России и вдобавок жили семь пятидесятников, которые рьяно добивались разрешения эмигрировать из страны.

Отстояв огромную очередь и получив входную анкету, которую надо было заполнить с учетом частной собственности, кличек и времени пребывания, они оказались у окошечка, где выписывали временные, туристические визы – наиболее удачный способ пересечь границу без осложнений. После формальных вопросов американского офицера полиции, зачем

они хотят двинуться на Запад, семья получила одну визу для взрослого и одну визу на несовершеннолетнего Васи. Детей вписывали во взрослый список туристов, и они могли лететь третьим классом куда угодно.

Для Толи визу никто не хотел выписывать, учитывая его призывной возраст, с опаской, что его арестуют и посадят с самолета из-за повестки в военкомат, которая вот-вот должна была прийти ему по почте.

Семья из одного человека в лице Толи вернулась домой, а отца и младшего брата он проводил в тот же день в аэропорт, помахал на прощанье, надеясь когда-нибудь встретиться с ними на побережье Тихого или Атлантического океана на собственной вилле с апельсинами, гранатами и лимонами.

Втолковать офицерам полиции США, что они одна семья, было невозможно. Та третья волна эмиграции носила хронический характер.

Когда Толя вернулся домой, то обнаружил на столе то, чего так все боялись – повестку на службу в армию. Поступать в вуз он не имел возможности, потому, что редко посещал десятый класс, работая по ночам то на мельнице, то в порту, то на разгрузке вагонов на вокзале. Одноклассники липли к нему, зная его уступчивый нрав и спокойный, безвредный характер.

Мама обрадовалась, что так все благополучно случилось, зная взбалмошный характер каждого из своих сыновей, перенявших привычки и обращение своих плохо воспитанных, как она считала, сверстников.

Толю забрали на другой день, а вернулся он через десять лет истощенный, измученный. Следом за ним вернулся и Вася. Его призвали на военную службу США, чего он так боялся, по достижении им двадцати лет. Отправили в Афганистан. Там ему удалось перейти на сторону страны, из которой он, по халатности правительства, сбежал, но вовремя опомнился, прослужив три года в строевых войсках, не участвуя в крупных сражениях, чего, по сути, и не было.

Счастливая встреча братьев и мамы состоялась на вокзале. Они обнялись и вернулись мирно домой. Вскоре обзавелись семьями, детьми, и каждый зажил своим собственным умом, зарабатывая на жизнь. Закончили заочно колледжи.

У Васи появилась возможность завербоваться в Заполярный круг, получая там колоссальные деньги за работу вахтовым методом. Он построил комфортабельную трехкомнатную квартиру. Толя таким же самым способом построил тоже жилье в новом, недавно отстроенном, спальном районе города, откуда ушел в армию.

Братья редко общались с отцом, но поехать на его похороны они не имели возможности. Мама намного пережила своего бывшего мужа. Замуж снова не выходила и была счастлива, что сыновья могут хоть изредка навещать ее. Вундеркиндов из них не выросло, но они столкнулись с деспотизмом, тиранией, бюрократией разных режимов и принимали жизнь такой, какая она есть.

Разговоры на злободневные темы о морали, современные настроения молодежи. Политические распри. Участие стран в отмывании денег. Коррупционные скандалы, связанные с нерентабельными предприятиями. Временные региональные войны. Все волновало Толю, давая пищу для философских размышлений за рюмкой вина в дешевых питейных заведениях, которые он регулярно посещал для улучшения самочувствия, где ему давали на сдачу две конфетки или жвачку, чем он с удовольствием угощал своих новых друзей за «рюмкой чая».

Жена постоянно возмущалась его помятым видом, но мирилась с тем, что у дочерей высшее медицинское образование, полученное бесплатно и дающее право зарабатывать на жизнь.

Одевался он скромно, но чисто, как приучила его мама. Всегда был в центре текущих событий, посещал встречи с актерами, просветителями современности на телестудии, писал дипломы, доклады, диссертации, статьи за деньги и продавал свои незатейливые впечатления от жизни. Такой вид заработка помогал ему продвигаться в людском пространстве. Но помятый вид был слишком потенциозен, чтобы вызвать жалость или желание общаться в любой обстановке на берегу какого-либо курорта с видом на Гвинейский залив или в одном из отелей Турции.

– Рад встрече, – произнес автор нашумевшего бестселлера: «Ведьма – в чертогах дьявола», который был распродан за считанные дни и принес ему баснословную сумму в эквиваленте равном поездке на Канары плюс недельный заработок депутата Госдумы. – Проходи. Извини, что забыл позвонить домработнице и убрать остатки вчерашнего бардака.

– Когда будет время, я сам уберу твою блевотину. А сейчас налей чего-нибудь, чтобы не видеть этого, как ты сам назвал, – гость плюхнулся в кресло, отделанное кожей и шляпками мелких гвоздей.

Он поднял с пола какие-то листы и углубился в чтение, перелистывая страницы и время от времени отхлебывая, из поставленного рядом с ним на передвижной столик, бокала в форме кубка времен царской династии 19 века.

– Кто может проще и лаконичнее так излагать, как эти чертовы писаки, у кого вместо вина или кофе всегда в стакане пошло для немецких и австрийских таверн, – кривляясь и создавая впечатление начитанности, проговорил гость и, закрыв глаза, внезапно откинулся на спинку кресла.

На его бледном лице появились ярко-прорисованные капилляры, а на губах белая полоска слюны как от отравления ядом желтой гадюки.

Сценарист аккуратно вытащил из его рук, зачитанную до дыр, рукопись, положил на тот же столик, отодвинул от гостя... Потрогал левую руку у запястья, там где пульс. Ничего не понял. Но не растерялся и открыл пальцами закрытое веко. Обрадовано потер свои руки и вздохнул.

«Неужели и на том свете так горячо желание найти себе дело? Зачем я затеял этот маскарад с убийством? Все равно, он так плохо выглядел, не стал бы возражать против эксгумации своего тела, чего мне совсем не хотелось бы. Следовательно, оставим все, как есть и займемся делами. Стоит задуматься о выносе тела в кладбищенский сад и захоронении там, рядом с вишней... Его неусыпное внимание к моему образу жизни и разбирательствам едва ли сравнимо с братской любовью. Слишком интеллектуален его образ мышления. Хотел всего и сразу», – такие рассуждения завели бы в тупик любого здравомыслящего гражданина.

Неимоверных усилий сценаристу стоило завернуть отравленное тело в приготовленную заранее скатерть-самобранку, сверху накинул тяжелый палас, чтобы не испачкать и не повредить стоящую рядом стенку из красного дерева с позолотой.

С таким тяжелым грузом Южный двинулся к двери. Одной рукой протиснул в коридор палас и, открыв входную дверь, вышел на лестничную клетку, придерживая поперек тело бывшего приятеля.

«Прилечь или отдохнуть не удастся. Словом, буду решать вопрос захоронения позже, когда приедут гробовщики. Придется заплатить за вынос в коридор и оставить открытой прихожую для соседей, зевак и злопыхателей, кому нечего делать. А впрочем, пусть себе развлекаются! Сам заварил кашу, сам и буду расхлебывать», – решил в спешке любитель острых ощущений, втаскивая завернутого гостя на заднее сиденье своего потертого автомобиля, благо никого рядом не было кроме живущей в подъезде кошки и ее хозяйки, которая постоянно появлялась на всех собраниях жильцов или переездах соседей.

– Собираетесь ремонтом заняться? – поинтересовалась женщина, заискивающе посмотрев на тяжелую ношу в руках соседа, которую ему, наконец, удалось положить на заднее сиденье старенькой Волги.

– Нет, хочу на дачу матрасы и теплое белье перевезти, а то лето скоро... Придется ночевать там, заморозки на почве плохо скажутся на моем радикулите, – ответил он, напрягаясь от тяжести, создавая легкомысленное выражение на лице, случайно вспомнив, что обещал подарить соседке при случае красивый букет тюльпанов, выращенный им самим в теплице.

Тяжелый платиновый портсигар, доставшийся от предков, заполненный наполовину; обувь; телефон *Nokia Lumia* за \$250; документы из кармана гостя – преподавателя колледжа, юриста и адвоката в одном лице – он сложил на столике и оставил в квартире.

– Да, морозы обещали в начале месяца. Спасибо, что завтра дождя не будет. Устали мы от морозов и от дождей, тепла хочется, – проговорила женщина избитую фразу и бойко зашла в лифт.

Максим Сергеевич Южный отчаянно боролся с дремотой и усталостью, когда вез безжизненное тело Толи через весь город в направлении дач. Его два раза останавливали полицейские, но быстро отпускали, завидев номера сотрудников Госдумы, которые он умудрился купить за небольшое вознаграждение у тех же полицейских во вверенном ему микрорайоне, где он в дальнейшем собирался баллотироваться на пост вице-губернатора, а потом и губернатора.

Решив получить заветное одобрение руководства издательства, он приложил максимум усилий, чтобы это решение оправдать. Но ему мешал назойливый следователь, который почему-то заподозрил его в присвоении свободного участка соседа по даче, выданного ему для обработки.

Они делили дачные участки, но при всем многообразии выбора все мечтали получить именно этот прекрасный участок в шесть соток, а потом построить там коттедж, который уже стоял там. Так как Южный давно располагал сведениями о готовящемся распределении участков, то сразу приступил к строительству двухэтажного дома, чтобы впоследствии не обременять себя подобными проблемами.

У ветерана афганских войн, инвалида и заслуженного человека – Рубашкина Виктора – такой дележ вызвал негодование, и он намеренно высказался на собрании собственников кооператива за сдачу этого дополнительного, свободного, не засеянного участка любому желающему по очереди.

Однако сценарист подсчитал, сколько он потеряет, если его новый, отделанный, с евро-ремонтотом коттедж снесут, и кто будет тогда владельцем – этого никто не знал. Желающих было предостаточно! Все рвались заполучить за минимальную сумму – около двадцати тысяч рублей сотка – участок и выращивать там любые фрукты, овощи, ягоды.

Но каково же было удивление председателя кооператива, когда он узнал, что Южный получил доверенность от ветерана афганских войн и инвалида на право использования участка, подписанное у нотариуса и продленное, как и следовало по закону, а в случае смерти оставленное в пожизненное пользование.

Максим Сергеевич подготовил документы и ждал случая, когда же, наконец, ему посчастливится вступить в права наследства. Спрашивать о дележе он боялся, чтобы не обидеть ветерана, который был инвалидом, с трудом передвигался на костылях. У Рубашкина была дочь и красивая жена-брюнетка, кого Южный знал еще по молодости.

Они жили по соседству в частных домах, а потом переселились вместе в многоэтажку, а вечера постоянно, как прежде, проводили на одной площадке, рядом со школой. Играли и пели под гитару современные шлягеры Высоцкого, Визбора, Окуджавы...

Но Клава выбрала блондина Виктора – весельчака, заводилу, лентяя, вредителя клумб и зеленых насаждений.

Когда ребята выросли вместе пошли в армию, направили их в разные батальоны в Туркменистан, а затем – Афганистан. Долгое время они ничего не знали друг о друге. Вернулись одновременно живые. Отгуляли свадьбы, поступили учиться в Политехнический вуз, закончили и зажили каждый своей жизнью на одной лестничной клетке.

Максим – красивый черноволосый парень нашел себе Зинаиду – продавщицу квасом и удивлялся, что Клава – учительница начальных классов – полюбила светловолосого Виктора, который снова вернулся на войну и остался там до окончания, прослужив десять лет в парашютном отряде.

Говорили, что на нем живого места не было после службы в бригаде спецназа. Он и ордена получил, и пенсию ему назначили сразу после возвращения. Нашли какое-то воспаление на ногах. Он сумел доказать, что это связано с войной в Афганистане. Выдали ему костыли, но обещали со временем дать кресло.

Его звание капитана спецназа десантников вызывало зависть всех окрестных девчонок. Они любили заходить к Клаве в гости, чтобы полюбоваться на героя афганской войны.

Виктор был доволен своей участью нормального человека без отклонений по медицинским понятиям. Но его психика часто давала сбой, ему снились раненные бойцы, склады боеприпасов, горные перевалы, а безудержная тяга начать жизнь заново порой доводила его до иступления. Родилась дочь, жена постоянно работала в огороде.

А Южный Максим купил машину Волгу старого образца на деньги, полученные за его службу десанником в армии. Это привело к прекрасной сентиментальной изобретательности и заставило его обойти всех врачей, чтобы добиться пенсии, но к его великому сожалению всегда получал отказ.

Однако Виктор в свое время просил Максима подписать документы по оплате за воду и электричество, когда лежал в госпитале. Таким обстоятельством и воспользовался предприимчивый сценарист гораздо позднее.

Теперь бывший афганец просто отдавал соседу по даче и, кстати, лестничной клетке деньги, и тот оплачивал по счетам в ближайшем Госбанке. Так продолжаться долго не могло.

Все течет, все изменяется...

Южный получил – готовый коттедж, который он начал строить как раз в тот день, когда несчастного израненного ветерана положили в местный профилакторий на длительное излечение. Затем, когда того выписали, сам сердобольный автор пьес и радиопостановок о войне в Афганистане, пропитанный рассказами соседа по лестничной клетке о тяжелой доле в режиме неповиновения солдат и десантников спецназа, повез «друга» посмотреть, что же творится на его земле.

Сценарист Южный боялся сказать о своей частной собственности, рассчитывая, что дело уладится по обоюдному согласию без скандалов и судов. Он хотел сделать соседу сюрприз!

К слову сказать, данный дачный кооператив назывался «Березовая роща», в связи с тем, что там когда-то находилась прекрасная, естественная заповедная зона отдыха для всех любителей природы.

Южному страсть как хотелось скрыть дело с присоединением земли, поэтому он оттягивал день признания своего права собственности на коттедж на чужом участке. Виктору было все равно, так как он не хотел ни обрабатывать, ни поливать водой из емкости. Все предоставил Клаве.

Новый хозяин присыпал участок привезенным дерном и сказал всем, что собирается разводить тюльпаны и гиацинты, пионы и розы, чтобы облагородить территорию дачи.

Следователи районной прокуратуры, военкомата и полиции опросили всех возможных свидетелей внезапного исчезновения их бывшего сослуживца – Рубашкина, чтобы вручить ему медаль. Но ни у кого из соседей не вызывало сомнения, что тот отдыхает вместе со своей

семьей и всеми своими бывшими переживаниями на даче и приусадебном участке, возделывая почву и выращивая морковь.

Однажды Южному, по случаю получения нового дачного надела, взбрела в голову бредовая идея. Он собирался сдать на время этот пресловутый участок для обработки и получения урожая. Что он и сделал.

Новым постояльцем на участке оказался разведенный юрист, его бывший одноклассник – Любкин Толя, любитель спиртного и дебошир, который подсчитал, сколько тонн здоровья он получит, когда у него созреют идеи по ликвидации медведки и других короедов. Они часто встречались. Юрист, он же составитель кроссвордов и интеллигент заподозрил, что на участке находился разложившийся труп животного происхождения, когда стал рыть канаву для орошения.

Новое просветление в сознании подвигло его потребовать денег у хозяина участка за скрывание данного странного факта от органов правопорядка.

Таким образом, он получил постоянный источник доходов, которым пользовался почти два года, не работая и безбедно существуя на деньги, получаемые от шантажа своего же хозяина, обывателя и, по его личному мнению, убийцы, как он полагал, в одном лице.

Южный так устал давать взаймы, что решил одним разом покончить со всем этим и захоронить труп шантажиста рядом с вишней в вырытой им заранее яме и больше никому и никогда этот участок не сдавать на время, тем более на постоянное пользование, чтобы не наступить вторично на свои же грабли. Но не тут то было. По дороге на дачу, после нескончаемых препирательств с дорожным патрулем о правильности вождения автомобиля за городом и внушении, что включенные фары – это не дань моде, а уважение к ДПС, Максиму Сергеевичу все-таки удалось вырулить на сплошную магистраль. Он старался ехать не так быстро, чтобы тело пассажира было в полной сохранности для погребения, в случае надобности.

Отъехав значительную часть пути, Толя стал приходить в себя и шевелиться. Он, негнущимися пальцами, стянул с лица скатерть.

Обнаружив, что находится в замкнутом пространстве заднего сиденья автомобиля и движется в неизвестном направлении, тяжело вздохнул, развернулся весь, освобождая в первую очередь ноги, наблюдая, какой пейзаж расстилается впереди.

Ногами без ботинок, которые остались у Южного в квартире, открыл заднюю дверцу. Сгруппировался, как в былые годы службы в десантных войсках спецназа, и легко выкатился на лесополосу, игнорируя, что водитель в этот отчаянный момент пытался ускорить ход автомобиля.

Впереди маячил пост дорожного полицейского патруля, так неугомонно заботящегося о соблюдении правил движения на дороге.

Сценарист Южный успел проскочить опасное для него место без остановки, лишь глядя в зеркало дальнего вида. Ему показалось, что тело «мертвого» пассажира, как он надеялся, осталось лежать в канаве без движения.

У Толи ныли ноги и руки от неумелого обращения с ним зловредного сценариста, тем более в желудке было пусто, кроме неприятного жжения по всему периметру. Эндоскопическое исследование желудка показало бы отравление коньяком, смешанным с соком алоэ, что использовала жена Южного для прикладывания примочек к груди и лечения бронхиальной астмы, объясняя членам семьи, что этот ядовитый напиток с ядом змеи.

На пустой желудок бренди вызвал сильные спазмы, а горечь добавила тошнотворный вкус, поэтому посетитель и поклонник дачного отдыха сразу уснул на кресле в гостях у своего спонсора.

Его здоровье гораздо улучшилось, но он лишился ценных вещей, документов и импортной пары ботинок.

Платиновый портсигар, купленный очень давно отцом Виктора за границей во время службы в армии, представлял небольшую ценность. Однако стоило его сохранять для хранения сигарет любого калибра, чтобы всегда под рукой имелись нужные для размышления мысли.

В данный момент курением занимались стоящие над ним полицейские. Они спокойно подняли Толю, поставили на ноги, такие несуразные и длинные без обуви. Джинсы, истертые до предела были в дерне, а светлый джемпер в грязных пятнах.

Полицейские написали протокол, неохотно посадили Толю на чистое, заднее сиденье своего *Opel* и дернулись с места. Разговаривать с Любкиным без документов никто не стал. Но один вопрос все-таки возник:

– Как получилось, что ты здесь валяешься в пьяном виде? – проговорил опытный инспектор ДПС в красивой форме и с жезлом в руках.

Ответ на его каверзный вопрос Толя едва бы дал, но, поискав в заднем кармане брюк, нашел квитанцию на сдачу белья в прачечную и показал им, указывая на фамилию, имя и адрес клиента.

– Отлично, посадим на пятнадцать суток за хулиганство. Будешь в казенной обуви дом строить, – сказал, хмурясь, служитель закона. – Или заплатишь штраф в нужном размере в пределах семи тысяч рублей за нетрезвое поведение.

– Если возьмете меня с собой, отработаю, как положено. Моя семья из четырех человек ждет сообщений от меня, вот позвоните им и скажите, где я нахожусь. Пусть приедут и докажут, что у меня есть все права заявить на вас в суд, – парировал Толя. – Вот мой номер, – он продиктовал номер, потерянного телефона.

– Это подождет. Найти надо телефон сначала.

– Он выпал у меня где-то не знаю.

Патрульный полицейский с участием записал. Судьба Толи была решена. Он отправился в КПЗ, а потом на стройку маляром, поразмышлять о происшедшем с ним несчастном случае.

Глава II

Совещание начальников отделов местной полиции началось ровно в назначенное время. Секретарь разложила перед каждым присутствующим лист бумаги и карандаш, не смотря на то, что у всех с собой всегда были планшеты и другие средства связи.

На пороге начали появляться солидные люди в гражданских костюмах, в или без пиджаков из-за необыкновенно жаркого утра.

Секретарь налила воды в хрустальную вазу с букетом сирени и поставила на стол прямо напротив председателя, но немного подумала и переставила на подоконник, а на это место аккуратно пододвинула треугольную цветную пепельницу из чешского стекла в виде маленького костерка.

Шесть человек, включая самого генерала местной полиции и секретаря, начальники отделов по борьбе с особо опасными преступлениями, коррупцией, следственного отдела и судмедэкспертизой проголосовали за начало обсуждения текущих проблем.

Начальник управления МВД города отложил в сторону список присутствующих и произнес, слегка прищурив глаза из-за сильного ветра, производимого кондиционером за его спиной:

– Областное бюро регистрации несчастных случаев, линейное отделение аэропорта и речного порта, спецотдел по расследованию дорожно-транспортных происшествий, управление вневедомственной охраны и начальники других участковых пунктов прислали мне отчеты за истекший месяц по Интернету. За что выношу им благодарность. Кто желает доложить обстановку в порядке общей очереди?

– Судя по положению дел, наше следственное подразделение внесло коррективы в расследование последних, внеочередных происшествий в городе, – начал подполковник Кирьянов – начальник отдела по борьбе с особо опасными преступлениями. – Все висяки, простите, – он поправил серый галстук, внезапно съехавший набок, – просроченные происшествия ликвидированы за короткий срок. Новые происшествия расследуются.

Кирьянов сделал умное выражение лица и, отложив планшет в сторону, оперся о стол, глядя в соседние записи сотрудников, как в школе делали его дети на уроках.

– Тем не менее, хочу добавить, что появились идеи по поводу принятия мер для обеспечения безопасности населения путем амнистирования недавно прошедших медосмотр сотрудников, – продолжил генерал МВД, показывая взглядом, что подполковник может садиться.

Кирьянов облегченно вздохнул и занял исходное положение за столом.

– Конечно, это не значит, что наши следственные изоляторы будут пустовать. Мы укрепим ряды вновь прибывшими из Академии права, новоиспеченными полицейскими, прошедшими медосмотр.

Секретарь – в белой блузке и серой юбке – заерзала на стуле и покосилась на пепельницу, которая вдруг неожиданно стала наполняться окурками, когда начались обсуждения произведенных задержаний, расследований и передвижения из одного исправительного учреждения города в другие населенные пункты в пределах государственной границы.

– Моя задача научить вас стрелять по цели обойдется нам дешевле, чем получать выговоры за просроченные дела или отложенные предприятия, – медленно добавил генерал Кедров.

Задумчивое лицо генерала вызвало одобрение у сидящих рядом – подполковника Серегина, начальника отдела по борьбе с коррупцией и грозы местной мафии, майора Семениока – специалиста в области медицины и представителя прокуратуры – Ивановой, частной сыщицы.

Кириянов натянуто, виновато улыбнулся и затушил свой окурок в пепельнице, глядя с достоинством на портрет Дзержинского над столом генерала.

– Предлагаю сделать перерыв, – прошептала секретарь на ухо генералу, так как решила сама обеспечить надзор над региональными правонарушениями и внести поправки в свой отчет за истекший период.

– Хорошо, – закончил генерал после непродолжительной паузы, во время которой он запасся терпением и, отложив в сторону лист бумаги, исписанный мелким почерком для помощи секретарю в оформлении отчета. – После перерыва в рабочем порядке доложите, кому требуется помощь в ликвидации вопроса о пропавших граждан на территории области и за ее пределами.

Начальники отделов вышли из кабинета генерала в приподнятом настроении, потому что удалось избежать уточнения, кто же все-таки пропал и каким образом будет оказана помощь.

Серегин Алексей никогда не интересовался стоимостью нового костюма современной модели, но свой летний имидж считал вполне удовлетворительным, благодаря стремительному карьерному росту.

У Ивановой Тани из-за отсутствия внимания к последним показам французской моды, внешность отлично сочеталась с прекрасным характером и знаниями в области баллистики, каратэ, скалолазанием и верховой езды. На ней были скромные джинсы-легинсы и яркая туника. Темно-русые, волнистые волосы она уложила красивой заколкой типа «крабик». На боку у нее висела красивая, светлая сумка с револьвером последней марки, жучками, планшетом, набором отмычек и косметичкой.

Кириянов Владимир случайно забыл свою форму дома, поэтому совершенно спокойно обходился обычной серой шведкой и такого же цвета брюками. Майору Семенюку жена разрешила появиться на совещании в белой, льняной рубашке с коротким рукавом и черных джинсах, привезенных им из Турции после очередного отпуска всей семьи, включая тещу.

– Нарушать распорядок будем, когда все просроченные дела закончим, – продолжил генерал Кедров лейтмотив совещания, наглядно демонстрируя свои преимущества наличием пиджака и галстука, но не в форме бабочки, а с ярко-синим геометрическим рисунком, купленным его женой в *Duty-Free* после трехдневного отдыха в Париже.

В кабинете стоял приятный аромат сирени, а после того, как секретарь выкинула все окурки из пепельницы, потянуло замшелым запахом табака и махорки, которая давно вышла из обихода представителей полиции всех подразделений города Тарасова.

Зато аромат французского дезодоранта Кедрова смешался с запахом духов Шанель №5, образуя замечательное амбре слегка едкого привкуса. Таня Иванова мечтательно смотрела в ту же сторону, что и жена генерала, предпочитая покупать натуральные продукты на мировом рынке и в стране производителя.

Выпив стакан минералки, Таня-сыщица равнодушно зевнула, прикрыв рот ладонью, и, поглядев с уважением на сидящих коллег, стала припоминать, сколько денег ей пришлось потратить на этот тур, забыв, что находилась на совещании. Взвесив все за и против, поняла, что все обернулось в ее пользу. Дело приобрело огласку в прессе, постепенно набирая обороты, выяснили убийцу известного хирурга и еще троих жертв, кого долго опознавали родственники умерших, сослуживцы и сами подозреваемые.

У Кириянова эта ситуация вызвала только положительные эмоции, которые воплотились в его идеях всеобщего семейного благоденствия и процветания. Вряд ли его жена отказалась бы прокатиться в столицу моды, но дело потребовало присутствия там именно Тани с ее соратником по работе и помощником – хирургом из института «Пересадки органов и тканей» – Преображенским Юрием.

За что Семенюк был ей крайне благодарен и признателен. Он получал от них все нужные профессиональные сведения по Интернету на предмет расследования давнего преступления, связанного с убийством хирурга и поиском пропавших брильянтов из сейфа, денег и картины известного французского классика постмодернизма Жекату – родного брата погибшего.

Маска африканского божества была найдена гораздо позднее, но и ее привлекли к делу, хотя за небольшую плату благодаря помощнику Тани – осведомителю-Венчику. У данного разбирательства была слишком длинная предыстория, поэтому бомж Венчик очень хорошо заработал, применяя свои дедуктивные методы расследования, тем самым, привлекая на свою сторону детей, кому очень хотелось получать дополнительные конфеты, печенья, пряники в любое свободное от учебы, тренировок в спортивных секциях и театральных кружках время.

Примером мог послужить только подполковник Серегин. Он всегда симпатизировал Ивановой, несмотря на его занятость. Однако он никогда не конкурировал с лейтенантом Гариком Папазяном, который давно добивался руки Тани-сыщицы.

Совещание приобрело характер отчетов о задержании, поэтому каждый старался показать свой наивысший кпд, учитывая все заслуги, чтобы получить дополнительную премию или путевку в один из наилучших санаториев Крыма с трехразовым питанием и бассейном.

– Предлагаю закончить, – проговорил генерал и, стараясь выглядеть более солидным из-за своего массивного, двухтумбового стола, наклонился вперед, создавая впечатление универсальности пространства. – Занимайтесь очередными расследованиями, не забывая черпать сведения, как у классических, так и современных мастеров детективного жанра.

Все встали, направляясь к выходу из просторного кабинета, куда они явились, чтобы их обязательно признали из многих сотрудников и специалистов, кропотливо служащих в управлении МВД.

В коридорах здания сновали полицейские, свидетели, подозреваемые, привнося с собой некоторые серьезные пропуски, чтобы потом, улучив возможность, покинуть данное нешуточное учреждение свободно, без сопровождающих, наручников, срока предварительного заключения

– Получили политинформацию. Теперь будем надежно защищены от нападков, что нам нечего делать, – признался подполковник Кириянов майору Семенюку и прошел в свой личный кабинет продолжить разбирать папки с истлевшими расписками и показаниями свидетелей.

– Стоит разобрать прессу, – предложил подполковник Серегин коллеге, когда зашел следом за ним в ту же комнату и указал на стопку, перевязанных почтовой веревкой, газет, приспособленную для пуфа в госдепартаменте полиции.

– По-моему у вас и так все нормально. Давайте пить кофе, – преднамеренно резко и доброжелательно сказала Таня, садясь на этот небольшой газетный табурет и доставая из бывшего своего стола пачку чая.

– Кто говорил о кофе? – засмеялся Серегин, открывая форточку, чтобы порывами ветра унесло все скверные воспоминания, связанные с предыдущими процессами и допросами.

– Надеюсь на ваше гостеприимство, – улыбнулась сыщица. – Вот смотрите, что у меня есть.

Она достала из светлой сумки книгу известного сценариста Южного – «Ведьма в чертогах дьявола», недавно распроданную на книжной ярмарке в университете, и положила на стол.

– Оригинальное название, – похвалил Кириянов, разглядывая корешок и шмуцтитул. – Что-то экстраординарное?

– Автор довольно популярен среди элиты шоу-бизнеса. Снабжает всех своими опусами, то есть дает кусок хлеба безработным актерам, заодно помогает кинооператорам и продюсерам спроецировать дальнейшее, безбедное существование на берегу теплого Красного или Черного морей, – съязвила Таня, вспоминая последнюю поездку в Египет и катание на верблюдах.

– Как вам, если выпьем кофе? – спросил Серегин, привлеченный разгоревшимся спором по поводу современных нравов студенческой молодежи. – Все затраты беру на себя...

– Все затраты возьмет на себя лейтенант Папазян. Ему стоит продлить командировку в горы, к родным, – заключил Кириянов, допивая чай и зачитывая отрывок цитаты из триллера, принесенного Таней в полицию для ознакомления сотрудников со своим приобретением.

– Подчиняемся, что советовал нам узнать генерал, – сказала Таня.

– Слушайте, как метко сказано: «Стоя на коленях, он подышал на стекла очков, упавших с собственного носа, протер и положил их рядом с трупом. Потом, переворачивая тело, случайно задел ногой стакан, стоящий на сервировочном столике, с ядовитой, желтой жидкостью. Стакан упал, и напиток вылился на очки. Нога жертвы застряла в нижнем отделе столика, который стал двигаться...» и так далее. Сколько мелких деталей!

– Занятое чтение, – поблагодарил подполковник Серегин, а Таня открыла новую пачку сигарет *LM* и закурила, надеясь продолжить ознакомление с модным изданием своих соратников по работе.

Кириянов отложил в сторону книгу, самолюбиво посмотрел на стены кабинета, подошел ближе, разглядывая каждый штрих изучения топографии, знаков отличия формы у разных родов войск, рисунки всевозможных видов огнестрельного оружия, включая танки и многозарядные бронетранспортеры.

– С наглядной агитацией у нас слабовато. Нет ни разбора автомата Калашникова, ни пистолета Макарова, ни гранаты или лимонки, ни БТРа, – критически заявил подполковник и вздохнул.

– Нагоним упущенное на стрельбище, – ответил Серегин. – Не забудьте, что завтра построение и пробежка пять километров по проселочной дороге. Сегодня пойду после службы в тренажерный зал. Подкачаю мышцы. Кто со мной на зачетное занятие по стрельбе?

– Конечно, я, – воскликнула Таня весело. – Неси свои мишени. А то у меня одна на все времена.

– Круто, – проговорил подполковник. – А мы с Семенюком в бассейне у меня на даче поплаваем. В сауне посидим, обсудим проблему веса. Придется отпросить его у жены, – Кириянов констатировал, понимая занятость профессионала в области определения времени смерти и способа умерщвления. – Он сейчас последних, мертвых бомжей выписывает из морга. Построение покажет, кто первый среди наших спортсменов скоро добудет золото на соревнованиях по хоккею.

– Верно, СКА с полицией – ум, честь и совесть нашей эпохи, – пафосно провозгласил Серегин книжный штамп и продолжил разглядывать Интернет сайты о наркодилерах по трафику из Афганистана через Туркмению и Таджикистан.

Они обсудили дальнейшее продвижение катафалков с опознанными трупами за пределы города, на городское кладбище и вред перевозки наркотических средств в желудке в виде завернутых в целлофан контейнеров.

– Кстати, надеюсь, этот весенний сезон будет не таким богатым на партии наркотиков, – посочувствовал вошедший Игорь Семенюк. – Все родственники покойных явились, как ни странно, с надеждой никогда не появляться здесь снова.

– Ну, это, как положено, – прокомментировала Таня, – будут вспоминать, что их участие помогло следствию раскрыть такое тяжелое предприятие, как опознание близких. Что они себе думали, когда искали пути заработать на смерти и выйти сухими из воды?

– Надеялись найти способ получить дополнительные бонусы для покупки последней марки автомобиля, – ответил Игорь, часто посещающий выставки современных марок машин импортного производства.

Они стали рассматривать направления, куда проходили главные транши героина за последние две недели, зацепляя флажки к большой географической карте, прикрепленной на стенде.

Оказалось таких путей пять: Гватемала, Гонконг, Индонезия, Южная Америка – Перу и Голландия. Подсчитали весь сбыт белого порошка: около шестидесяти килограммов. В среднем по двенадцать-пятнадцать килограммов на страну.

– Не многовато ли будет?! – удивился Серегин. – Как они усваивают эти страшные цифры.

– Продают США за баснословные деньги. У них высокая смертность от рака, – изрекла Таня свои познания в области международной политики. – Это лекарство снимет последние остатки счета в банках.

Подполковник Кирьянов взял в руки книгу, так хорошо продаваемую во всех киосках города Тарасова, стал читать вслух, привлекая к себе внимание двоих сотрудников и частную сыщицу.

– Слушайте, – проговорил он, садясь в удобную позу за столом. – Читаю: «Розовый закат осветил мое убежище, и я с усилием встал на корточки, чтобы размять затекшие колени, когда меня кинули связанного в эту дыру под названием «плен», – подполковник сделал глубокомысленную паузу, но продолжил чтение. – Еще чуть-чуть и мое сознание потеряло бы всякую ориентацию от нескончаемых ударов по голове кулаком одного из душманов, который пытался выбить из меня признание в личной виновности за гибель штрафного батальона.

– Сколько солдат ты привел за собой? – перевел мне его вопрос с английского языка, который я знал сам в пределах школьного курса, мой бывший одноклассник, выслуживающийся перед ними за мосол верблюжатины и стакан вина.

– Нисколько. Все погибли в ущелье от взрыва вашей вонючей мины. Остальных, оставшихся в живых, вы расстреляли тут же на месте, – ответил я попутно, стараясь держаться на ногах.

– Все ли отряды прибыли? – стали допрашивать меня, поднося курительный табак к носу, издающий слабый, сладковатый запах.

– Не знаю, – признался я чистосердечно. – Мне не доложили об этом факте...

Душман разозлился от перевода Макса и стукнул меня в челюсть кулаком. Я выплюнул кровавую жижу на землю, закашлялся, но не упал, а присел на корточки и с размаху ударил душмана головой в живот. Тот застонал и плюхнулся в своем халате прямо на песок, загребая руками воздух. Турбан скатился с его головы, показывая бритый череп», – подполковник Кирьянов запнулся. – Ну, здесь идет дальше воспоминание, как его посадили в яму, – проговорил подполковник, перелистывая страницы. – Много текстового материала. Надо проверить транспорт...

– Стоит прочитать. Где же они находились в Кандагаре или Ханкале? – спросила Таня Серегина, когда Кирьянов вышел.

Она предполагала, что такой рассказ послужит примером для сотрудников главного сысского управления города.

– Вот, когда будешь сама изучать, то поймешь. Думаю, что их местом пребывания был кишлак около оазиса с тремя пальмами. А рядом нефтяная вышка, – заметил Серегин по теме

нехватки бензина, намеренно уводя сотрудников от сути прочитанного. – Надо докопаться, кто пойдет сегодня по ресторанам считать количество свободных мест?

– Эта статистика доступна, – ответил Кирьянов, вернувшись из гаража, находящегося на территории просторного полицейского двора.

Полицейские стали отвинчивать от стены стеллажи, складывать в аккуратные стопки на полу, перекладывая в большие дорожные сумки, и относили к грузовой машине, чтобы немедленно перевезти все нужные вещи в свои новые кабинеты.

– Надо пробить по нашей картотеке тех таджиков, кто приехал к нам наниматься на работу, есть ли у них местная прописка и были ли они замечены в провозе наркотиков, – сказал Серегин, присаживаясь за свободный ноутбук.

Он открыл архивные папки и стал выискивать среди списков приезжих мигрантов тех, у кого не стояла галочка перед фамилией. Таких нашлось десять человек.

– Вот посмотрите, что нашлось на дне бархана, – сообщил он, имея в виду портативный компьютер. – Примерно все эти фамилии будут возвращены назад, к себе на родину, – обратился он к Кирьянову. – Паспорта они спрятали, не хотят никому показывать!

Сотрудники полиции углубились в чтение статистических данных необходимых для расследования текущих дел.

– Пойду, запишусь на прием в спа салон, – сказала Таня, собираясь забрать со стола свои вещи и сложить тщательно в сумку. – С чтением подождем.

– ... Спасибо за чай, – отозвался Игорь Семенюк. Он переключил свое внимание на открытую книгу, лежащую на столе, которую только закончили читать всем следственным отделом. – Совместное выполнение решений руководства?

– Да, можешь ознакомиться с новым проектом ведения следствия, посредством платных издательских организаций, – успокоил судмедэксперта подполковник Кирьянов и улыбнулся.

– Что известно о проведении учебных мероприятий среди студентов неюридических вузов или школьников? – спросил Семенюк о пропаганде здорового образа жизни без наркотиков.

– Мы договорились провести лекции в школе, – ответил подполковник Серегин.

Таня-сыщица сложила, понравившуюся всем сотрудникам, книгу в сумку, улыбнулась на прощанье и пошла в сторону двери, намереваясь успеть выпить чашечку кофе у себя дома и прочитать о проведении экстренных мер по задержанию виновных в распространении наркотиков, нелегальном использовании детского труда, путем привлечения на свою сторону влиятельных граждан. Она вышла на улицу, искренне порадовалась замечательной погоде без осенней мороси и слякоти. Позвонила своим обожаемым мастерам в области косметологии. Вспомнила, что ей надо заехать в универсам, купить продуктов на обед и ужин. Ждать приглашения на светский раут ей пришлось бы очень долго.

Здание клуба полиции только начали строить. Участники самодеятельных коллективов управления встречались каждый раз в новом помещении, которое снимали для общественной надобности к праздникам, когда вручали правительственные награды наилучшим сотрудникам.

Глава III

Сценарист Южный был так обрадован успехом распродажи последнего триллера в стенах госучреждения коммунальщиков, что уже мечтал перевести стрелки на европейское время, чтобы купить смокинг и получить Букеровскую премию согласно расписанию.

Его критические взгляды на литературу и мировую прессу перемежались с желанием написать фантастический роман и поставить фильм на пример «Аватара» Кэмерона или любого стайера-фантаста: Кинга, Беляева, Уэллса. Вот только проблема возникала с женщинами...

Кому вручить эти мерзкие евро для покупки нового белого Мерседеса: своей благоверной Зине, проживающей в стандартной трехкомнатной квартире панельного дома девяностой серии рядом с ним в смежной комнате-кухне или симпатичной дочери его соседа-афганца, безвременно почившего на лавры.

Девушка была слишком привлекательной, похожа на свою маму, к которой он в свое время питал неоднозначные чувства, что дала бы фору любой кинозвезде мирового масштаба по фасу и профилю, благодаря внешним анатомическим данным, умудренная биологическими знаниями университетского образования. Присматриваться к соседским интригам ему было скучно. Но, не смотря на это, каждый вечер после одиннадцати вместо дежурства по школе, выглядывал в свое окно на первом этаже, чтобы выяснить, с кем флиртвала сногшибательная, блондинистая особа, студентка, соседка по подъезду, и на какой марке машины подъезжала она к пресловутому дому после занятий или вместо оных в региональном вузе.

Такой способ приобретения информации котировался давно на деревенских посиделках любого провинциального города. Но кто бы мог подумать, что так далеко завели его последние сплетни о способе выращивания овощей и привлечения своих родных детей на дачу-коттедж.

Жена была рада и, скорее всего, счастлива, что Максим Сергеевич – хотя и сценарист, но сильно продвинулся в книгоиздательстве.

Он целыми днями пропадал за компьютером, заполняя страницы мелко исписанными буквами. Набирал тексты песен и баллад афганского периода, исполненные известным бардом Александром Розенбаумом.

У сценариста Южного возникло ощущение, что он сам одаренный автор тех забытых строк, включенных в репертуар популярных певцов, когда сел в широкое кресло, воодушевленно нажал на кнопку своего старенького магнитофона «Atlanta» времен застойного периода. Из наушников, прямо в мозг, полилась мелодия с жалостными словами о разбитой любви девушки и парня, о смерти и жизни, об измене и любви на слова известного в определенных кругах поэта-песенника В. В. Копытина:

Шумит сосна, река жемчужная течет,
А вдоль реки парнишка с девушкой идет.
Идут они и, замедляя каждый шаг,
Вдруг у него блеснули слёзы на глазах.

«Я ухожу» – сказал парнишка ей сквозь грусть,
«Но жди меня, я обязательно вернусь».
И он ушёл, не встретив первую весну,
Домой пришёл в солдатском цинковом гробу.

Рыдает мать и словно тень стоит отец,
Ведь он для них ещё по-прежнему юнец.
Ах, сколько их, не сделав в жизни первый шаг
Домой пришли в солдатских цинковых гробах.

Когда-то он с одной девчонкою гулял,
Дарил цветы и на гитаре ей играл,
И в тот же миг, когда на белый снег упал,
Девчонки той он кровью имя написал.

Разгонит ветер и над Афганом серый дым;
Девчонка та уже целуется с другим,
Девчонка та, что обещала – «Подожду».
Пришла весна, исчезло имя на снегу.

Афганистан, зачем ты парня погубил
Афганистан, ведь до весны он не дожил,
Афганистан, чему же радуешься ты?
Ведь не тебе, ведь не тебе несут цветы.

Шумит сосна, река жемчужная течёт,
А вдоль неё парнишка с девушкой идет,
Идут они и, замедляя каждый шаг,
Вдруг у неё блеснули слёзы на глазах.

Я не могу, я не могу тебя любить,
Я не могу, я не могу его забыть.
И вот она идет по берегу одна,
И вот она уже бросается с моста.

Девчонки милые, мы очень сильно просим вас:
Парней хранить, ведь все они живут для вас.
И вы, и мы любовь умеем посвящать,
Девчонки милые, парней учитесь ждать!

Сценарист Южный, стирая скупую мужскую слезу рукой, выключил магнитофон. Всплеск эмоций заставил его встать с кресла рядом с компьютерным столом и ринуться на кухню, чтобы уничтожить остатки ужина, оставленного умной женой, красивым сыном и сообразительной, золотой медалисткой, дочерью, чья карьера зависела от решения приемной комиссии.

Члены семьи предприимчивого любителя музыки дожидались его приезда на дачу. Договорились встретиться там еще вчера, когда он к своему глубокому сожалению потерял по дороге гостя и давнего друга их семьи, а потом вынужден был вернуться домой, чтобы захватить кое-что из продуктов питания, список которых передала ему перед выездом жена: молоко, творог, сметану, курицу, хлеб. Для снабжения милых его сердцу детей пищей.

Южный отнес магнитофон со своими записями в машину и положил на заднее сиденье. Потом глубокомысленно передумал и поставил рядом с водительским местом. Он сразу забеспокоился о наличных деньгах. Пересчитал, что имелось в загашнике. Удовлетворенный

суммой, отправился на авто в сторону местного рынка, поторговаться с продавцами. Купил еще две лопаты и требуемый набор продуктов.

Он залил запасенный бензин в бензобак. Добираться обратно на дачу было жарко и душно. К его великому сожалению все родственники прохлаждались на песчаном пляже около личных частных владений в пригороде. Никто не обратил внимания, когда он привез на дачу в багажнике старенькой, но хорошо сохранившейся Волги, навоз, упакованный в старую скатерть и засунутый в мешок для удобрений, купленный по ходу движения в соседнем конезаводском хозяйстве.

С большим трудом он выложил груз и, вгрызаясь лопатой в чернозем, закапал вместо тела безработного юриста рядом с цветущей вишней и бочкой для полива удобрения для сада. Усложнив себе задачу, вырыл более глубокую канаву и втиснул туда тяжелый мешок.

Тщательно засыпал яму из кучи прошлогодних сорняков, смешанных с землей. Отставил лопату в сторону. Сверху поставил пустую бочку, которой тут же воспользовались члены семьи, запасаясь водой для полива сада. Выложил все продукты на стол веранды.

– Привез, что просила. Получай. Сложил на столе! – громогласно крикнул Максим Сергеевич, приглашая жену посмотреть на его покупки.

– Иду, иду. Сейчас последний сорняк вытяну, – она ответила ему в тон, разогнулась, одернула платье и, улыбаясь, направилась к веранде, где уже столпились Антон и Инна, пробуя на вкус деревенский творог.

– Зин, ну, как довольна? – поинтересовался он, вальяжно рассевшись в кресле и наблюдая, как женщина убирала все купленные на рынке продукты питания, зная экономические способности благоверного супруга.

– Молодец, то, что надо! – воскликнула она, глядя, как дети руками лезли в пакет с творогом и поглощали его с аппетитом. – В следующий раз только возьми еще ведро для яиц. Буду пироги к празднику печь по старинному маминему рецепту.

– Да, испеки с клубникой или черешней, – подтвердил он ее тайное желание угодить. – Я тебе привезу шмат сала для жарки. Да и так поедем с хлебом на ужин...

– Я жирную пищу не ем! – произнесла добродушно Инна.

– Она боится поправиться. Сейчас в моде худые манекенщицы, – продолжил развивать тему Антон. – Надо меньше есть или бегать по утрам, овощную диету соблюдать по всем правилам.

– Посмотри на себя! Кошей бессмертный, – Инна нагло стала обзывать родного брата. – Вот тебе бы не мешало мои лишних три килограмма взять. А то, сколько не ешь, все худой... Смотреть противно на тебя!

– Не смотри, кто тебя заставляет смотреть! – Инна сгоряча налила всем по стакану черного кофе, положила в центре стола пачку с сахаром-рафинадом, припасенную Зиной для особо важных случаев, когда надо пополнить запас потраченной на сорняки жизненной энергии.

Каждый из присутствующих взял стакан, обжигаясь, и тут же вернул на место. Перепадка детей между собой продолжалась. Родители смотрели на них, без тени сомнения понимая, что зря родили таких громогласных мучителей, но молчали, ориентируясь, что детям надо высказаться и показать свои умственные способности.

– От тебя девушки шарахаются... – отметила Инна, что партнерши у Антона долго не задерживались, а исчезали по истечении срока его новых мест работы или учебы. – Как ты находишь себе знакомых, поделись опытом? – спросила она, заведомо понимая его нежелание общаться с ней, тем более на тему о личной жизни.

– Мне девушки в гробу снились!

Эта последняя фраза произвела моментально сильный эффект на Зину. Она всполошилась и, отчаянно борясь с жарой, закинув руки за спину, подошла ближе к сыну и сказала с каменным лицом, делая ударение на каждом слове:

– Вот так говорить нельзя, сыночек, дорогой!

– Мам, это я просто так сказал, прости. Больше не буду с ней разговаривать. У нее язык очень длинный! – ответил он, отвоевывая свое пространство рядом с матерью.

– Привез вам магнитофон. Сейчас включу, чтобы не слышать, как вы ругаетесь. А тебе, сынок, обязательно надо послушать, как пели наши солдаты об Афганистане. Что-то с армией у тебя затянулась отсрочка, – проговорил Максим Сергеевич, допивая свой стакан с ароматным напитком и удаляясь в сторону машины, чтобы достать еще привезенный подарок детям с песнями военных лет. – Поучитесь как надо, будете честными людьми как ваши... – он запнулся, вставляя вилку в розетку питания и удаляя оттуда вилку электрочайника.

– Заплатила за квартиру и свет на даче. Долгов нет, – вспомнила хозяйка свои последние расходы. – Идите, позагорайте на солнце, чтобы зимой не болеть простудными заболеваниями.

Сценарист Южный отодвинул пустые стаканы чуть влево и нажал на кнопку *play*.

Инна и Антон внимательно следили за манипуляциями отца и отошли в сторону, чтобы звук не оглушил их тонкие натуры, преждевременно созревшие и мечтавшие уехать каким-либо образом с родителями на побережье Атлантического океана, куда-нибудь в Лос-Анджелес и сняться в душещипательной мелодраме со счастливым концом. По участку снова разнеслась песня в исполнении самого Розенбаума:

В Афганистане, в «черном тюльпане»,
С водкой в стакане
Мы скорбно плывем над землей.
Скорбная птица, через границу
К русским зарницам несет ребятишек домой.

В «черном тюльпане» те, кто с заданий
Едут на Родину милую в землю залечь,
В отпуск бессрочный, рваные в клочья...
Им никогда, никогда не обнять теплых плеч.

Когда в оазисы Джелалабада,
Свалившись на крыло, «тюльпан» наш падал,
Мы проклинали все свою работу:
Опять «бача» подвел потерей роту.
В Шиндане, Кандагаре и Баграме,
Опять на душу класть тяжелый камень,
Опять нести на Родину героев,
Которым в двадцать лет могилы роют...

Зина подошла к столу, наклонилась над магнитофоном и выключила звук.

– Хватит тоску на нас нагонять своими нудными песнями. Лучше давайте послушаем участников Евровидения прошлого года или этого. Антон записал. Антон, – позвала Зина, поворачиваясь к лестнице, ведущей на второй этаж коттеджа, куда заблаговременно поднялся великовозрастный сын, чтобы не участвовать в родительской разборке. – Иди сюда... Включай свой патефон.

– Нет, давайте дослушаем, хотя бы еще один куплет, – забастовал хозяин дома. – А потом будете слушать то, что сами хотите. Пусть знают историю своей страны!

Максим Сергеевич снова нажал на нужную кнопку, прислушиваясь к механическим неполадкам и, подкручивая ручку, улучшил звуковосприятие.

Все члены семьи одеревенели от деспотизма старшего по званию в семье. Но сценарист Южный, нисколько не смущаясь своей правоты, стал подпевать, заученные им, слова шлягера:

И мы идем совсем не так, как дома,
Где нет войны и все давно знакомо,
Где трупы видят раз в году пилоты,
Где с облаков не валят вертолеты.

И мы идем, от гнева стиснув зубы,
Сухие водкой смачивая губы.
Идут из Пакистана караваны,
И значит, есть работа для «тюльпана».

– И значит, есть работа для «тюльпана», – повторил сценарист Южный, заученную им в тяжелых муках, строку песни, от содержания которой на душе участников рискованных афганских переходов становилось гораздо тяжелее, и многие кончали жизнь самоубийством, чтобы заглушить боль от ранений прошлых лет.

Песня закончилась. Глава семейства – яркий любитель музыки – обрадовано прокрутил немного пленку, остановил прокрутку вперед. Посмотрел по сторонам.

Зина села около прудика с Инной на лавку разбирать последние фасоны платьев в модном журнале. Дочь купила последний номер перед выпускным вечером. Они обе надеялись привлечь внимание всех самых богатых женихов класса.

Из магнитофона заиграла снова ритмичная музыка под рифмы ансамбля ТСС.

Солнце, свет, вдалеке видна страна,
Это Афганистан, не стара, не молода.
Отправлялись пацаны воевать в Афган,
Возвращались калеки, тяжело выжить там.

Матери плакали, провожая сыновей,
Это тяжкая ноша, ты мне brother поверь
Уезжает на смерть продолжение рода,
И навряд ли вернется он в течение года.

По истечению срока вам приходит письмо,
Погибает ваш сын, ну вот, в общем, и всё.
Ну, а дальше то, что, хоть о чем их молитесь.
Вам вручают медаль. До свидания. Простите.

Это Афганистан – огромные горы.
Афганистан – жестокий мир суровый.
Место, где фильмы становятся былью,
А мечты пацана обращаются пылью.

Все из присутствующих больше не стали обращать внимания на развлечения отца благородного семейства, примирившись с мыслью, что надо уважать интересы старших по званию.

Затем отец семейства занялся хозяйственной деятельностью по участкам. Включил кран, протянул шланг, перекинул его на край бочки, и вода потекла внутрь, заполняя постепенно доверху. Слегка прикрыл ржавой, железной крышкой, чтобы не провалился химический эксперимент и школьная задача по заполнению сосудов. Сорвал с черешни ягоду, проглотил свежую мякоть, выплюнув косточку в направлении соседских угодий.

– Зин, дай мне пообедать, – крикнул он, стараясь вспомнить, куда положил ключи зажигания и не закопал ли случайно вместе с мешком навоза, привезенного для собственного использования.

– Все прополола. Иди, садись есть, – произнесла женщина, когда подошла к Южному ближе и стала притаптывать, сделанные им взрытины. – Правильно, удобрения надо запастись на долгие годы бескормицы. Птиц надоело распугивать. Всю вишню с черешней поклюют!

– Да, вот же они! Искал, куда бросил... Оказывается, рядом с водопроводным краном положил, – воскликнул он, щурясь на утреннем солнце. – Ты сколько грядок клубники прополола?

– Два ведра собрала. Килограммов пятнадцать. Завтра, боюсь, не продам на базаре. Ну, а если продам, купишь себе агрегат по стрижке травы. А лучше отложим, нам на старость пригодится, – пояснила она самоуверенно, разглядывая побеги винограда.

– Хватит болтать, иди, готовь на стол, – приказал он зло.

Сам, подбоченясь, двинулся в сторону кухни, где они раньше ночевали и хранили инвентарь.

Дети-переростки заглянули на кухню, чтобы посмотреть, готов ли обед, и приготовлены ли для них места. С благодарностью пошли мыть руки под щедрый умывальник, прибитый к столбу, разделяющий два участка, рядом с кухней, стоящей на границе. Благо воскресенье собрало семью вместе.

Дочка Инна вечно с книгой или журналом в руках, а сын Антон – спокойный и уравновешенный, худощавый парень – отсыпался в коттедже от забот семейного характера, чтобы накопить сил и выйти на работу стажером в НИИ после окончания вуза.

Они пообедали следом за родителями. Инна нехотя пошла мыть посуду, а Зина отправилась укреплять буйные всходы помидоров и пропалывать картошку.

На столе веранды красовалось разбитое, эмалированное ведро с клубникой для продажи и большой, пластиковый контейнер из-под фасадной краски, использованной с успехом для обновления забора, доверху наполненный отборной, более крепкой ягодой. Рядом в миске горкой лежала крупная ягода, а в стакане было несколько черешен. Тут же находилась сломанная ветка с ярко-зелеными листьями и спелыми, не оторванными плодами данного дерева. Никто не обращал внимания на этот прекрасный натюрморт, достойный кисти любого импрессиониста конца 19 начала 20 века. Выцветшая, малиновая, бархатная, однотонная скатерть, найденная где-то в чулане, ранее служившая занавесками на окнах, свисала, создавая впечатление нереализованных возможностей. Богатые, крученые, рваные, желтые кисти говорили о бывшем криминальном прошлом владельца.

Три скособоченных стула из дерматина с тяжелыми железными ножками, без спинок, с торчащими штырями были накрыты махровыми полотенцами и пестрым платьем владельцев. Сиденья постоянно съезжали и падали на пол, раздражая гостей своим неудобством.

Мягкое, слегка надорванное у изголовья, кресло с темно-синей обивкой и пережившее на улице зиму, напоминало о прежней роскоши гарнитура. Оно стояло в отдалении и являлось подставкой для срезания веток-дичков с груши и яблок. Иногда на нем располагалась Инна, чтобы прочитать о последних новинках в компьютерной графике, иностранных

открытиях и перелистать страницы, где-то найденной кипы глянцевого журналов с рекламными проспектами оргтехники, компьютеров, ноутбуков, сотовых телефонов и издательской аппаратуры.

Настроение у всех улучшилось, когда стали передавать прогноз погоды на текущие сутки, а потом музыку местной радиостанции. Сын был и садовником, и шофером. А дочь просто выполняла постоянно роль кухарки и домработницы синхронно, подсчитывая, сколько денег она бы заработала, если бы служила в той же роли у крупного бизнесмена или финансового воротилы, одновременно обслуживая его в постели в качестве сожительницы. Инна была на редкость привлекательной, светловолосой, с волнистой челкой и, распущенной сантиметра на три, длинной косой, демонстрируя свою молодость и жадность жизни. Выглядела типичной молодой женой солидного профессора университета со стажем более пятидесяти лет.

Талантливая, рассудительная, с правильными чертами лица: ясными голубыми глазами, курносый носиком, розовой кожей и пухлыми, красными губами, светлыми бровями и ресницами. Брат был очень похож на нее, но мужского типа. Они всегда соблюдали дистанцию, но иногда ругались из-за игрушек в детстве. Выгода такого распределения ролей устраивала каждого.

Сценарист Южный восхищался детьми по праву. Они вместе проводили все праздники на дачном участке в коттедже и никогда не заводили разговор о прежнем владельце участка – афганце. Чья участь была решена «случайным стечением обстоятельств», как новый хозяин оправдывался перед собой и, возможно, перед будущим адвокатом, если возникнут осложнения в суде для определения истинного владельца земли пригодной для выращивания плодовых деревьев, овощей и ягод.

Его гонорары были плодотворно использованы для сохранения документов в порядке, оформления доверенностей на случай споров.

Проверив наличие ключей вторично, Максим Сергеевич заботливо обратился к Зине-садовнице, копошащейся на грядке с овощами:

– Зинуль, давай кончай эту волокиту, приляг немного перед дорогой. Сейчас назад поедем, только подождем, пока разговор между нами закончится, а емкость наполнится водой.

– Обещали отключить в семь, – проявив инициативу, жена, не выпрямляясь, повернулась в сторону противоположного участка. – Часов в восемь тронемся назад. Видишь, уже все собрали. Хочешь, поужинай сразу здесь, чтобы дома не собирать на стол. Попроси Инну, она тебе разогреет макароны с печенкой. Целый день сегодня потратила на этих жучков.

Южный подошел ближе и наклонился, разглядывая цветы на клумбе.

– Брось тягаться ты с мучнистой цветочной молью, все равно не справишься. Ящики для помидоров и яблок достала с чердака, а ли нет?

Инна, заметив перебранку родителей, нашла в Интернете сайт о насекомых – вредителях сада и леса. Поднесла экран телефона поближе к глазам, прочитала вслух полезную информацию для школьников о взаимосвязи организмов и окружающей среды:

– Слушайте, читаю последний раз, – громко произнося каждое слово, как на уроках по биологии в десятом классе, —яблоневая плодожорка, земляничный долгоносик, малиновый жук, крыжовниковая огневка, клещ.

– У нее все под прицелом. Иди, готовь ужин, – разговорился Антон, довольный, что ему перепал прекрасный участок с совершенно новым коттеджем, а сестре – лишь соседняя кухня и огород.

Дети разбрелись по участкам, форсируя предупреждения родителей о честном дележе земли, и дали возможность родителям продолжить выяснять отношения, кому, сколько надо для счастливой жизни под солнцем свободы.

Инна внимательно посмотрела на брата и отца, у которого в данный момент появилось воспоминание о соседской красавице-дочери и ее матери, бывшей своей зазнобе и однокласснице.

Сценарист Южный угнетающе вздохнул после тяжелых воспоминаний, добавил, глядя в землю:

– Идите, отдыхайте, сейчас поедем. Куплю установку для капельного полива и теплицу построим.

– Вот это правильно, – восторженно отозвался сын со второго этажа коттеджа и выглянул в открытое настежь окно, как царица, красна девица-девица из светлицы терема.

– Антон сгрузил ящики на другой участок и бросил. Устала его просить убрать все, как положено, под дом. Надо баню начать строить, – продолжая выявлять случаи сорняков, Зина неспешно проговорила: – Ты гонорар за книгу получил, вот и давай, приглашай рабочих для обнуления баланса, а то найдутся хорошие люди и займут у тебя деньги для своих целей. А мы с носом останемся. Видел по телевизору раньше клоуна Никулина? Его именем цирк в Москве назван. Разве не знаешь?

– Что ты мне все про клоунаду, да артистов талдычишь? Смотри, чтобы у Инны жених был, а то испортится без хорошего парня, – закончил семейный разговор Южный. – Иду твою печенку есть.

– Торопись, – отозвалась Зина.

– Сам разогрею. Руки пока на месте. Антон должен мне расписаться в документах, как наследник второго дачного участка.

– К Антону и обращайся. Вот между детьми и не будет драк. Все поровну поделили, в конторе кооператива оформи сам. Мы с тобой в четыре руки всю жизнь пашем, – ответила она. – Кому продавать клубнику не знаю. Цены на рынке высокие.

– Как прошлый раз, по соседям раздай, – у Южного слова превратились в одну сплошную заботу о подрастающем поколении.

Они демонстративно поужинали на кухне при свете лучей заходящего солнца, пробивающегося через окно. Выпили по стакану свежесваренного, крепкого, индийского чая. Свалили грязную посуду на стол под умывальник и, забрав урожай клубники в багажник Волги, сели в салон, где недавно находилось тело воскресшего раба божия – Любкина Толи – безработного юриста. Бывшего военнослужащего в рядах танковых бригах в Афганистане, активного деятеля в сфере просвещения молодежи, преподавателя-почасовика в колледже. Он давно стремился завоевать весь мир, издать свою книгу-эссе с его фотографией крупным планом на глянцевой суперобложке.

Толя часто просиживал в библиотеках, записывая небольшие психологические рассказы своих военных воспоминаний, ужасах войны с душманами. Он изучал тяжелые впечатления от катарсиса, страха, чувства голода, холода, опасности. О своем последнем дне в афганском кишлаке, когда по счастливой случайности выжил, бежал из многолетнего плена в качестве унижающего человеческий облик прислужника, чтобы встретить непонимание со стороны близких и родных. Он исследовал состояния человека в различных погодных условиях, но глушил воспоминания в алкоголе.

Семья Южного поехала ночевать в город, чтобы на следующий день с новыми силами приступить к выполнению своих основных обязанностей.

Глава IV

В издательстве кипела работа по расширению сферы проектной деятельности и обновлению сайта. Ответственные редактора нервничали в поисках новых источников дохода, авторов, обзванивая для уточнения реквизитов банковских данных, соавторов, количестве страниц, номера обложек, скаченных из сети. Писатели и журналисты спокойно отрабатывали свой хлеб насущный.

Светлый, просторный зал напоминал большой магазин с множеством компьютеров и плазменных мониторов.

Человек тринадцать сотрудников вносили в свои программы новые красочные проекты и возможный список будущих авторов.

Этот кол-центр представлял собой концерт по различным областям знаний. Научных и художественных книг было достаточно, но сотрудников не хватало.

Поэтому главному менеджеру Косте Свирскому – симпатичному, вихрастому парню лет двадцати шести – приходилось принимать новых компетентных специалистов в области книгопечатания и полиграфии – одной из самых прогрессивных областей современного промышленного производства.

На всех столах лежали книги, папки и тетради с отчетами о количестве проданных тиражных книг в различные магазины и торговые точки. Кое-где просматривались красивые, красочные, глянцевого издания с видами и открытками.

– Посмотри, Аня, как обстоят дела с детективами Южного? – Костя подошел к симпатичной, рыжеволосой девушке в коротком, кремовом костюме. – Мы отправили в типографию его последнюю рукопись. Корректора там прочитают листы и приведут в порядок блок. Видела обложку?

Девушка отыскала в папках фамилию нужного автора и, воодушевленно посмотрев на Костю, ответила, раскладывая перед собой файлы.

– Да, – она запнулась. – Прости, никак не могу найти, что тебе нужно. Мы же не контролируем передвижение всего тиража. Там они сами знают, куда и сколько отправлять. У всех свои связи. У нас только сигнальные экземпляры есть некоторых видовых, подарочных проспектов.

– Точно, забыл. А альбомы по живописи ты видела в продаже? – Костя присел рядом с девушкой и смотрел, как она убрала все папки и принялась снова смотреть в монитор и отыскивать на их сайте знакомые фамилии авторов, кому она должна позвонить, чтобы предложить принять участие в остросюжетных проектах бестселлеров.

– Они все статьи пишут в научные книги, а мы можем поддержать начинания молодых аспирантов и предложить бесплатно издать часть кандидатской или докторской диссертации у нас. В качестве гонорара они смогут поддержать книгу в руках.

– Верно, а на научном совете будет, что показать профессорам и своим коллегам. Ищи имейлы в толстых изданиях, там даже все телефоны авторов имеются.

– Прислушаюсь к твоим словам, – Аня влюбленными глазами посмотрела на своего шефа. – Костя, знаешь что?

– Что?

– Иди, срочно займись с посетителями, – она указала взглядом на входящую пару в черных, траурных костюмах. – Смотри, сколько в фойе людей толкаются.

Парень резво встал и направился в сторону стеклянных раздвижных дверей, где стояло двое представителей общественных организаций с желанием найти поддержку у работников издательства.

– Хотим получить информацию. Можно ли у вас напечатать или издать воспоминания участников военных действий? – спросила молодая шатенка лет двадцати восьми, обращаясь к Косте.

– Что за воспоминания? – спросил он живо и покосился на ее спутника.

– Мой отец оставил записи, и я хочу найти редактора, чтобы проверил и написал свое резюме, – проговорила женщина и многозначительно поправила сумку через плечо.

– С собой рукопись? – поинтересовался Костя.

– Да, – посетительница элегантно порылась в сумке, посмотрела на стоящего рядом мужчину и достала из сумки листы в файле. – Вот, смотрите. Отец давно хотел отнести это куда-нибудь, чтобы напечатать книгу воспоминаний. Но его уже вторую неделю нет. Запил видать после больницы или уехал к друзьям, бывшим сослуживцам в гости. Подали на розыск в полицию. Пока ищут.

– Оставляйте ваши бумаги под расписку. Кстати, а электронной версии случайно нет? Нам бы легче было все это заново вносить в реестр и расхлебывать ошибки...

– Есть. Вот на флешке у меня вся книга, но без обложки и автора, – женщина состроила смешную физиономию и хмыкнула. – Идемте, скачаете при мне. Вообще-то отец часто общался с соседом. Выпивали вместе. Рассказывал ему о своих похождениях на войне. Но мне запретил говорить, чтобы мама не знала. Я помогала отцу набирать книгу воспоминаний на компьютере.

– Понял. Спасибо за информацию, – поблагодарил любезно Костя и провел гостей к дежурному компьютеру, куда они вкидывали все внеочередные рукописи.

– Он у нее психованный был, но очень деловой, – заметил рядом шедший сопровождающий. – Ругал из-за пустяков, к соседу ревновал. Наверно что-то было у соседа с ней. Даже не знаю... Сами никак не разберутся, вот и меня пригласила, как свидетеля...

Мужчина занервничал и стал копаться в карманах, чтобы дать женщине платок вытереть слезы. Она устало взяла у него из рук предложенный предмет, высморкалась и положила платок в свою сумку.

– Мама была в тяжелом состоянии. Вчера увезли на скорой в больницу... Всю ночь дежурила у кровати в больничной палате. Врачи констатировали смерть. Срочно нужны деньги на похороны.

– Ну и дела, проверим на плагиат, – Костя вставил флешкарту в гнездо стационарного компьютера и включил нужную программу для идентификации. – Присаживайтесь вот сюда, – предложил главный менеджер гостям удобные, черные, металлические стулья

– Мы подождем, – успокоила его женщина.

– Странно, в точности такой же текст уже имеется у нас. Вот взгляните. Автор – Южный М. С., – добавил Костя и отклонился от экрана монитора, где идентификатор показал полное заполнение голубой линейки. – Вы знали об этом?

– Южный – это их сосед, он часто приставал к ее отцу и нагло при матери нахвалялся Наташу. Мне противно было слушать об этом от нее, – попутчик Наташи изъявил желание выступить защитником в суде в случае тяжбы по поводу присвоения авторских прав.

– Хорошо, мы разберемся, – произнесла Наташа, собравшись с духом, – тут же пойду в полицию. Пусть кто-то несет ответственность за все это безобразие.

– Подождите, не кипятитесь. Отправьте запрос в Министерство печати и массовой информации. Пусть прекратят тиражировать, а хотя вообще-то... Вам даже лучше. Докажите свое авторство в суде или без разбирательства. Гонорар вам обеспечен, если это точно произведение вашего отца. Кстати, какая фамилия? Пусть это будет вашим псевдонимом. Вы так и скажите, что фамилия моя... – Костя вопросительно взглянул на посетительницу.

– Рубашкина, – женщина назвала фамилию старинного русского певца, – по отцу, а по матери – Шерстенко.

– Известная фамилия, не родственники ли певца Бориса Рубашкина? – спросил Костя, так как был любителем русского и цыганского романса. Он часто посещал с друзьями филармонию. – А Южная, – редактор в нерешительности посмотрел на пришельцев извне, – или как правильно Южный – ваш псевдоним?

– Нет, нашего соседа, – сказала Наташа, окончательно успокоившись и взяв спутника под руку. – Сложная ситуация?! Мы с певцом Рубашкиным однофамильцы.

– Оставьте ваши координаты и сделаем копию паспорта, идите сразу к Южному и предъявите свои претензии, если он откажется от авторства, будет оспаривать книгу вашего отца, найдёте адвоката и подадите в суд. Но я думаю, что смысла оспаривать авторство вашей рукописи, у него нет права.

Костя взял, протянутый Наташей, паспорт и сделал немедленно копию.

– Нас часто спрашивали раньше о фамилии. Там у них в казачьей станице все Рубашкины были, – разговорилась она. – Будем добиваться своих прав!

– Просто Южному повезло, что его фамилия будет фигурировать на обложке. Так сейчас многие делают, – продолжил ухажер Наташи и посмотрел в сторону выхода. – Один собирает материал, диктует, другой пишет, третий печатает, четвертый издает, пятый тиражирует, шестой покупает, ну а седьмой, по-видимому, читает и делает полезные для себя выводы.

Наташа наклонилась к Косте и что-то по секрету спросила, когда ее сопровождающий отвлекся на минуту и стал поднимать с пола сумку, из которой выглядывал экземпляр книги Южного «Ведьма в чертогах дьявола».

– Могу сразу сказать, что к гонорарам мы не имеем никакого отношения. Как обычно, спросите об этом авторов книг, – объяснил Свирский после небольшой паузы.

– Да, жаль. Юра, давай потом обсудим все детали похорон. Я уже заказала бригаду, – проговорила Наташа несколько цинично.

– А эту книгу тоже ваш папа написал? – спросил Костя из любопытства, показывая на новенький планшет, где высветилась реклама триллера.

– Да ведь это и есть моя книга. Но я не знаю ничего про ведьм, – ответила Наташа живо.

– Ну и путаница. Кошмар! – воскликнул Костя.

– Здесь другое название. Видите, – она показала взглядом на начало напечатанной рукописи, когда Костя перелистал скаченную из флешки книгу. – «Записки командира подразделения». Название выбирал отец. Чтобы понятно было бы его сослуживцам из Афганистана.

– Ах, ну да, как порода собак. Такая есть афганская овчарка. Ну, это я к слову... – у Кости появились странные ассоциации. – Книги одинаковые, начало разное...

– Спасибо, мы пойдем. Простите за беспокойство, – закончила Наташа Рубашкина мелодичным голосом и повернулась, чтобы направиться к выходу.

– А флешку? – Костя достал считывающее устройство и вернул владелице. – Не забудьте.

Пара быстрым шагом двинулась к стеклянным дверям выхода издательства. И тут-то Костя заметил, что на них были черные, траурные костюмы. Светлые волосы Наташи были перевязаны черным бархатом, и на общем фоне она казалась шатенкой.

На улице оба посетителя остановились у входа, закурили, что-то обсуждая, периодически оборачиваясь на двери издательства.

Костя с сожалением вздохнул и выпил минеральной воды из стакана, который он забыл предложить Наташе, когда она просматривала компьютерные вкладки и искала, что скачивать.

– Видела? – спросил Костя, когда снова подошел к редакционному столу Ани. – Тяжелый случай...

– Что-то страшное? – у сотрудницы наступил рабочий запал, и она могла разговаривать и крутить страницы новой рукописи, только что полученной по Интернету.

– Да, так, сами между собой разберутся, – сказал он и протянул ей стакан воды, – на, выпей минералки. Очень жарко сегодня на улице.

Она одним глотком проглотила воду, выдохнула и с нарастающей энергией принялась обзванивать различные фирмы, предлагая за небольшую мзду, порядка \$200—300 напечатать рекламные проспекты или объявления личного характера. Те с радостью соглашались, лишь просили отложить на какой-то неопределенный срок оплату, чтобы эта левая продукция принесла значительную прибыль на покрытие бесплатного издания популярных авторов прозы или поэзии, а потом заработать на художественных книгах.

Спрос на современные издания был велик, поэтому предвидеть возможные новые изменения в учебнике истории она не хотела, лишь помогала продвигать свое самомнение в ряду опытных и маститых писателей, чтобы застраховать свою дальнейшую зарплату и пенсию по возрасту.

– Наберем новых авторов и махнем на море, – сказал Свирский Костя, заметив рвение Ани к работе.

– Надо отодвинуть пока твои планы. . . Когда разберутся с плагиатом, а то влетим в историю! – предусмотрительно воскликнула Аня.

Она старалась перекричать звук полицейской сирены, внезапно оглушивший помещение с работающим кондиционером, поставленным специально для посетителей, и гудение компьютера.

– Да, там все уже понятно. Надо привлекать органы правопорядка к работе. У них есть что-то ценное, спрос на их профессиональную литературу огромный. Напечатаем проспекты, буклеты, брошюры. . . – назидательно сказал он.

Глава V

Пара – Рубашкина Наташа и ее внезапный партнер по книгоиздательскому бизнесу – Юрий Преображенкий, хирург и внимательный, интеллектуальный человек – села в его *Ford* и отправились к ней домой выяснять, есть ли вещественные доказательства участия отца в афганской операции. Заодно собирались зайти к сценаристу Южному договариваться по поводу определения авторских прав.

Они вошли в подъезд, открыли ключом дверь квартиры, где когда-то царил мир и покой.

Появившись на пороге, Наташа случайно включила свет и обнаружила, что лампочка перегорела. Вкрутила в цоколь энергосберегающую с дневным светом. Они, не разуваясь, прошли в квартиру и стали искать по шкафам, раскладывая на столе всевозможные предметы быта, посуду, одежду.

– Посмотрю в книжном шкафу в своей комнате, – она грустно сказала и ринулась в другую комнату.

Через минуту вернулась с тетрадью в руке.

– Вот нашла записки, привезенные папой с войны, – девушка показала другу истлевшие листы, на которых корявым почерком было что-то написано.

– Отлично, давай посмотрим, что там содержится, – предложил друг, когда сел за стол, где лежали различные медицинские рекомендации и рецепты, найденные Наташей за последние два дня, когда родители уехали внезапно на дачу на такси и оставили ее заняться уборкой и наведением порядка в скромном жилище.

– Думаю, ничего интересного не представляют эти стихи, подаренные кем-то папе сразу же после возвращения из госпиталя, – объяснила она сумбурно свои полезные хлопоты в поисках дневника отца среди книжных полок, набитых профессиональной литературой по педагогике.

Юрий безглаголиво перелистал исписанные много лет назад листы, всматриваясь в незнакомый почерк. Наташа внимательно смотрела, как он пытается разобрать текст.

– Отнюдь. Бывают такие поэтические прозрения, в которых находится ключ к решению сложных проблем личного характера, – воодушевленно сказал Юрий и стал читать вслух, делая ударение на последних фразах, как настоящий поэт-песенник:

Разведка

Когда из Кандагара летели в Пешавар
Мы с отрядом из тринадцати ребят,
Ведь это же не кара сбить душманов пару,
Что должен обязательно штрафбат.

Отряд из трех «тюльпанов» отправился в разведку
Окидывать надзорами дорожные бои.
Мы вышли за барханом, нашли зеленку, сетку,
Потери неудавшейся войны.

Да, прав был переводчик и тот душман-наводчик,
Солдатскую трамматику откинули в кювет.
Лежали наши парни, растерзанные в клочья,
В руках сжимали кровавый пистолет.

С ненавистью мы встали, а зубы крепче сжали,
Когда полуживые тела собирали и пот вытирали.
Но жить заставляли, друзей вспоминали,
Себя проклинали и пылью дышали.

Вышли из разведки, накрыли небо сеткой.
Усталые легли мы на пожухлую траву.
«Я кажется не болен и будто всем доволен,
Врагов всех обязательно порву», —

Командир кричал упрямо, вспоминая маму,
Медсестру, добровольцев, резервный паек,
Выданным нам в ближайший срок.
Десант и штрафбат. Ругал всех подряд.

Озлобленные потерями, ветрами и песками,
Моджахедов убраться из долин в ущелья заставили.
Свернули зверю шею мы из жуткой кутерьмы.
Всех чертей-врагов врасплох обставили.

Художник

Седой художник нашел свой удел.
В красном квадрате черной точкой задел.
И поплыло пятно на самое дно,
С краской смешалось оно заодно.

Спешно тряпкой стирая грязи накат,
Он почувствовал снова палитры и кисти хлад.
Скрежет гусениц, звук автомата, удар ножа
Запечатлел на холсте не спеша.

Звон посуды и винный штоф.
Знакомые краски навеяли кровь.
Синий и желтый орден на нем.
В ужасном лоске вечернем днем.

Стало смеркаться в долине зла.
Выплыла нефть, покрыла мгла.
Тучи стянулись в грозе роковой.
Встал художник, ушел домой.

Кирзовый сапог надел на ходу,
Ключи от дома бросил в темном пруду.
Сам у пиратов корабль отнял.
Реи подрезал, команду принял.

Трын-трава

Ползучий ветер сухие травы занес,
Светлый прожектор взошел на утес.

Мимо проехал наш БТР.
В нем отдыхал уставший минер.

Нет в нем кровинки, нет алтаря.
«Нету предателя у них, у меня», —
Так говорил его сладостный лик.
Вышел на воздух и сразу сник.

Тронул самум черепа лошадей,
Тех, кто ушел в могилы скорей.
Там травой зарастал пустынный бархан,
В честь Тамерлана – вождя и хана.

Был у правителя обширный гарем.
В каждом дворце полно систем.
Первый этаж – для любимых жен,
Второй чертог – для наложниц,

Третий двор состоял из прислуг.
Четвертый – для разных прочих услуг.
Пятый шатер был разбит под открытым небом.
В нем мамы с детьми питались черным хлебом.

– Понятно, что эта поэзия пригодится для разбора специалистам. Сходи в редакцию, покажи им. Пусть скажут свое профессиональное мнение, – посоветовал Юрий, довольный, что помог успокоиться девушке после психологической травмы.

Он отложил в сторону свои комментарии.

– Мне трудно сейчас этим с ними заняться. Много других срочных проблем. Конечно, сделаю, как ты советуешь, но чуть позже, – она обрадовано потерла себе лоб. – Эти, как ты назвал «поэтические прозрения» включены в книгу воспоминаний, поэтому чрезвычайно рада, что ты ознакомился с ними.

– Всякое может быть. Представь, чтобы сказал твой отец на такой выпад со стороны соседей.

– Полагаю, не одобрил бы...

– Найди хорошего адвоката. Пусть соберет нужный материал для решения вопроса с авторством. Вдруг твой сосед подаст в суд, – предупредил гость.

– Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет, – ответила Наташа, вспоминая изречения папы в трудные годы посещения больниц и госпиталей для подтверждения, что все раны и ожоги получены в военное время.

– Басмачей видать много было положено в тот период, – отчаянно пытаясь понравиться хозяйке, вставил Юрий, собираясь выступить с речью на конференции, посвященной пулевым ранениям и операциям в полевых условиях на договорных началах в столице Афганистана – Кабуле.

– Все цифры представлены в периодической печати, – она сказала и принесла опять из своей комнаты, найденную где-то среди прочих документов, газету со статистическими данными. – Мне только нужно было время, чтобы соединить реальность и историю в одно целое.

«Действительно, ее энтузиазму мог бы позавидовать любой специалист в области книгоиздания. Для получения законченного произведения на тему прогрессивного разви-

тия общества в современных условиях и неправильного использования энергетических ресурсов планеты ей пришлось пересмотреть тяжелые кадры расстрела заложников, подрыва мостов, акведуков, бронетехники. То, на чем учатся курсанты военных подразделений. В этом у нее много общего со мной, чья задача сводилась преодолеть веление смерти и найти способ перехитрить саму природу в ходе сложных медицинских операций», – подумал Юрий.

Настроение у обоих исправилось, но покоя не давало исчезновение отца Наташи, которому пришлось хлебнуть горя на всей территории Афганистана в период военной компании конца прошлого века. Особенно на приграничных постах, когда проверяли наличие наркотических средств в сумках для оружия и рюкзаках для питания.

Каждый офицер боялся, что ему подложат целлофановый пакет с кокаином, героином или табельное оружие, поэтому военнослужащие очень тщательно проверяли вещмешки с формой и бронежилеты. Однако афганские власти посылали женщин-камикадзе, которые под видом снабжения едой, провозили целые партии наркотиков, а потом взрывались, после передачи груза «Во имя Аллаха».

Наши правоохранительные органы преследовали все проявления добровольного вмешательства девушек в отряды моджахедов,¹ ряды призывников и добровольцев. Не раз находили в одежде солдат-талибов привязанные пучки травы, ампулы с наркотическими веществами, когда те пересекали границу в направлении Афганистана. На привычный вопрос:

– Что это?

– Не знаю, откуда у меня это взялось, – девушка из военного отряда отвечала с хорошим английским произношением и проходила вперед к следующему блокпосту.

– Ладно, иди, – обычно советовали российские пограничники, чтобы мусульманки лишней раз не показывали своих младенцев и не перекрикивались со стоящими в отдалении мужчинами Аль-Каиды², вероятно, их мужьями или соратниками по оружию, которые, возможно, на следующий день будут стрелять им в спину.

На другой стороне стояли, как ни странно, американские военные в защитной форме и бронежилетах с автоматами той же всемирно известной фирмы российского происхождения, изготовленные где-то в средней полосе Средневожской возвышенности. Такой мезальянс носил террористический характер, прикрываясь отдушиной тактического экстремизма. Черная форма девушек и хиджаб³ критиковались всеми прогрессивными деятелями исламского мира. Но надо отдать должное прогрессу.

Во многих СМИ европейских стран указывалось, что политики ведут бессовестную борьбу по запрету женщинам-мусульманкам носить паранджу⁴. На самом деле «оголяясь» в мини-юбку, девушки прекрасно себя чувствовали. Но блюсти свою честь и достоинство, накрываясь чадрой⁵ или никабом⁶, считалось плохим признаком. Но мода на слова проходила, а изделия французских и английских кутюрье отлетали с молотка и приносили баснословные прибыли. Любая здравомыслящая мусульманка, естественно, имела в наличии пару таких изделий на случай семейного разлада, чтобы продемонстрировать свою веру

¹ Моджахед – участник джихада (однокоренное слово), буквально «борец», «совершающий усилие».

² «Аль-Каида» – одна из самых крупных ультрарадикальных международных террористических организаций ваххабитского направления ислама. Создана в 1988 году.

³ Хиджаб (араб. – покрывало) в исламе – любая одежда (от головы до ног), однако в западном мире под хиджабом понимают традиционный исламский женский головной платок.

⁴ Паранджа – женская верхняя одежда в мусульманских странах Азии и Ближнего Востока. Представляет собой халат с длинными ложными рукавами и с закрывавшей лицо волосистой сеткой – чачван.

⁵ Чадра – лёгкое женское покрывало белого, синего или чёрного цвета. Надевается при выходе из дома, закрывая фигуру женщины с головы до ног.

⁶ Никаб – мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз.

в Аллаха и Коран. Найти другого, более богатого спонсора, танцуя в праздничном блестящем купальнике с бахромой и колокольчиками на столе во время оргий. Все дружно аплодировали, кидали крупные купюры в долларах или евро, не забывая выяснить имя, возраст и происхождение танцовщицы, есть ли у нее муж, дети или спонсоры. Тринадцатилетний ребенок становился услугой и, зарабатывая валюту, проходил стадию взросления.

В России девочки в этом возрасте посещали школы и играли в куклы, а мусульманки рожали послушных верноподданных исламу.

Правящая элита, боясь усиления религиозного вмешательства, поставляла в слаборазвитые страны малообразованных мусульман, но хорошо физически подготовленных, чтобы продать за огромные деньги любые липовые документы каждому желающему, доказывая свою неприкосновенность, тяжелое наследие прошлого в Чечне и Дагестане.

В кишлаках разворачивались съемки фильмов о душманах и пехотинцах аварского происхождения, атаках, боевых действиях, взрывах бензовозов, вертолетных налетах десантников, изображая гибель сотен тысяч жителей, включая женщин и детей, чтобы вызвать слезу. Рекламируя военный *mode of life*,⁷ умозрительно поставляя новых полевых командиров в следующие войны за уже давно отвоеванное государство с высоким уровнем развития.

Чечено-дагестанский конфликт вызвал массу негодований в умах прогрессивных людей и запомнился длительными очередями в кинотеатры на фильмы об афганской войне, грозных перевалах, Сталинграде, принеся немалое удовлетворение всем кому не лень появиться на публике в хорошем настроении, а уйти с надломленной психикой, как после американского блокбастера или фильма ужасов.

Насаживание смерти отражалось на настроении всех бывших десантников-афганцев. Они хотели рассказать правду о себе, как об обычных парнях с нормальными вкусами и привычками. Но не как о звероподобных извергах с превосходными внешними данными, достигнутыми в течение длительных тренировок в спецназе или полицейском управлении любого заурядного провинциального города, где жителям не безразлично состояние своего земельного участка, выращивая укроп, салат, лук, помидоры, огурцы, свеклу, чеснок и все, что нужно для обеденного стола и продажи.

Однако вопросом рынка занимались все те же чеченцы и грузины, кто с детства привык торговать.

– Очень свежие, сладкие фрукты, почему не берешь? – настаивали они, часами находясь на рыночной площади и выставляя напоказ товары из своих картонных коробок, грязных и рваных мешков, грузовиков, трейлеров и складов.

Жители с опаской вглядывались в их лучезарные улыбки и понимали, что нельзя прожить без хлеба, но и зрелищ было мало.

Идти против Аль-Каиды или моджахедов Джихад не позволял, но помогать в процветании семейного бизнеса, распространяя белую смерть на планете, было вполне нормально.

Утопия в равенство полов разлеталась в один момент, когда на границе солдаты быстро пробегали или проезжали через заградительный барьер, а женщины с младенцами, малолетними детьми и огромными грузами подолгу выстаивали в очереди для проверки документов. Пограничникам приходилось проверять на предмет наркотиков все свертки. Трясти эти тюки с одеждой и пеленками ни у кого не было возможности, поэтому прокалывали палками, чтобы порошок сам высыпался. Если ребенок начинал верещать, то женщина тут же открывала его на предмет просушки. И всегда узнавали, есть ли там ребенок на самом деле или нет.

Собаки иногда находили признаки конопли там же, но это списывали на лекарственные средства, применяемые для лечения малярии или оспы. В залог, чтобы быстрее пережить этот злополучный пост, мусульманки отдавали часть общего багажа в качестве взятки.

⁷ Образ жизни (англ.)

Таким образом, у некоторых пограничников скапливались целые склады барахла, которое они с успехом сбывали на рынке, зарабатывая миллионы долларов. Американские военнослужащие продолжали сменять друг друга и контролировать афганский вопрос, создавая еще большую заботу мировой общественности о законах нравственности. Все попытки телевизионных операторов и обозревателей привлечь на свою сторону денежные вливания выглядели смешными.

– Мы не будем влиять на политику, – жестикулируя и отдавая распоряжения, говорили военнослужащие женщины на русском языке, проявляя «максимальную» опеку детям, оставленным без присмотра в лагерях, разбитых тут же.

– Для вас афганской угрозы не существует, – поддерживали американские генералы, занимаясь просмотром списков своих бывших военнослужащих, которые срочно дезертировали из опасной зоны конфликта, чтобы избежать столкновения со своим собственным авторитетным руководством.

А те с ужасом убеждались, что готовы за любые средства пересечь границу сами, лишь бы не видеть повторяющуюся изо дня в день картину миграции населения из густонаселенных районов в малообжитые места.

Ослепленные желанием заработать и как-то продлить существование, они бросались в армейскую службу как в пучину, преодолевая многие препятствия, находя своих друзей, родственников в других странах на той же земле, куда они отправились воевать... Временные убежища заменяли им дома, а платок становился скатертью самобранкой. Отсутствие отпуска, нормального питания приводило к дедовщине, самоубийствам и другим политическим извращениям. Когда российские женщины с ужасом смотрели на своих, вернувшихся с войны, сыновей, то не находили в них сходства с нормальными людьми. Слова: «Здравствуй, мама!» воспринимались как призыв к побегу от реальной действительности. С отчаянием матери понимали, что те видели оставленные моджахедами трупы солдат после пыток, издевательств над пленными, убийства мирных жителей, мародёрство.

Намереваясь заплатить за раны, нанесенные друзьям, они прошли через огонь и смерть, преодолевая боль и усталость. Добились немедленного суда над одним из наиболее влиятельных среди них моджахедов – Амиром Султаном Тараром, «крестным отцом талибов», больше известного как полковник Имам.

На мемориальных досках памятников воинам-интернационалистам в городах России высечены фамилии всех, не вернувшихся из десятилетнего ада.

Глава VI

Внезапно зазвонил стационарный телефон у Наташи в прихожей. Она взяла трубку.

– Привет, с вами разговаривает частная сыщица Иванова Татьяна Александровна. Мне ваш номер дали в отделении полиции по делу о пропаже вашего папы. С кем я разговариваю?

Таня находилась в модном спа салоне и принимала полезный массаж спины, участвуя в акции «За скорейшее оздоровление населения города».

– Очень приятно, – ответила Наташа, нервно вытирая платком пот с лица. – С вами говорит дочь пропавшего Рубашкина – Наталья Викторовна, – быстро проговорила потерпевшая – Да, верно. Я подавала на розыск. Сегодня истекает трехдневный срок, мне надо снова подать заявление? – спросила Наташа, подверженная влиянию извне любым источником информации о местонахождении ее отца, исчезнувшего три дня назад.

– Могу помочь в поисках, но не гарантирую, что будет положительный результат, – предупредила Таня, понимая, что в результате поисков они могут обнаружить, что человек убит или покалечен.

– Мне важно, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Дальше ждать я не могу. Неизвестность пугает больше, чем вы думали, потому что он был очень домашним человеком и никогда не отлучался один из дома без сопровождения кого-нибудь из нас, – доложила дочь Рубашкина Виктора незамедлительно.

– Мои услуги стоят сравнительно дешево: двести долларов в час. Если вас устраивает такая цена, я возьмусь за дело хоть сейчас, – предложила сыщица, наслаждаясь точечным массажем спины, полулежа на кресле со всевозможными вибраторами.

В трубке наступила тягостная пауза, в течение которой у обеих сторон началось нервное перенапряжение.

– В принципе согласна, – наконец Таня, удовлетворенная спа процедурой, услышала положительный ответ. – Когда я смогу с вами встретиться, чтобы начать расследование?

– Позвоню, чтобы уточнить время. Но надеюсь, что завтра смогу увидеться с вами, – ответила Таня-сыщица. – Скорее всего утром, устраивает?

Она встала с кресла, подошла к электрокофеварке, включила, чтобы получить кофе со вкусом шоколада, налила себе чашечку ароматного напитка и села около работающего вентилятора, чтобы не обжечься. Через секунду выключила. Стала смаковать крепкий кофе, заедая сухками.

– Примите к сведению, у меня завтра похороны мамы. Можешь подъехать познакомиться со мной лично. Но, кажется, мы знакомы? – спросила Наташа.

Она вспоминала, где могла слышать этот приятный женский голос.

Таня поставила пустую пластиковую чашечку на журнальный столик и продолжила деловой разговор, разглядывая популярные глянцевые журналы, лежащие в стопке тут же.

– Нет, я впервые узнала об этом сегодня на совещании у генерала, – сыщица поведала страшную тайну. – Хочу добавить, что у меня богатый опыт в поисках пропавших граждан даже за границей... Плату беру после нахождения человека или того, что от него осталось с выяснением причин, времени и источника смерти. Аванс или предоплату как лучше сказать не знаю, желательно внести заранее, чтобы быстрее двигалось следствие. Правда, до Мэгре или мисс Марпл мне далеко, но можете обратиться к подполковнику полиции Кирьянову, с кем у меня непосредственный контакт и кто заинтересован в дальнейшем продвижении дела о пропаже лиц, проживающих в вашем микрорайоне.

– Буду знать. Вынос тела в одиннадцать часов, – удрученная тяжелой ситуацией, Наташа продиктовала адрес, – улица Горная, между Шевченко и Соколовой.

Дальше она назвала шестизначную цифру с дробью, от которой у Тани волосы встали дыбом, если бы она не знала этот длинный девятиэтажный муравейник с прекрасным видом на горы, аэропорт. Изумительной детской площадкой с качелями, столиками, лавочками для пенсионеров и ухоженными цветниками, где размещалось большое количество разнообразных видов растений, высаженных дворниками-приезжими из Таджикистана и Узбекистана. Они снабжали прилежащий рынок фруктами и овощами, а дети приезжих учились вместе в недалеко расположенной школе. В десяти минутах ходьбы от географического центра города с большим количеством магазинов, фирм, офисов, заправочных и станций техобслуживания.

В самом центре этого бизнеса находилось кладбище с большим количеством мраморных обелисков и памятников великим деятелям культуры и искусства, где покоились все родственники Тани по материнской линии, и куда она изредка навещалась, чтобы привести в порядок могилы своих предков. А за кладбищем находился филиал Академии права, где Таня-сыщица провела свои молодые годы, изучая полезные для расследования любого сложного дела предметы: начиная от английского языка и кончая футурологией. Что это такое, она до сих пор не могла точно сказать. Зато знала определенно, что университет сельского хозяйства и зооветинститут стали единым учебным заведением и приобрели статус Академии.

Итак, этот замечательный Академгородок с общежитиями для приезжих граждан обслуживали все выходцы из северных районов страны и области. А учились там способные и жизнерадостные студенты, которым было абсолютно безразлично, что эта славная кадастровая единица являлась самым прогрессивным и наукоемким вместилищем всевозможных знаний в ряду мировых кадастровых единиц гораздо меньшего размера и значимости.

Занимаясь в Академии, Таня Иванова с уверенностью могла сказать, что ее знания выходили далеко за рамки превосходных. Она полностью освоила все дисциплины, с лихвой одолев даже современных философов, фармакологов, психотерапевтов, к кому у нее были особые подходы и принципы, и чьи величайшие открытия котировались наряду с Зигмундом Фрейдом, Шопенгауэром и Сен-Симоном.

Однако заниматься дальше по предметам, читая опусы в области человеконенавистничества, ей надоело сразу после окончания правового факультета. Она поступила в аспирантуру на факультет журналистики, чтобы закончить диссертацию на тему: «Homo Sapiens⁸ и его отношения с представителями иных цивилизаций».

К своему стыду Таня не нашла иных представителей, кроме закоренелых убийц своего времени. А также в лице продавцов, менеджеров бутиков, врачей спа салонов, парикмахерш, полицейских с отвратительными привычками навязывать ей вести все криминальные дела. Чтобы потом приписать себе раскрываемость и подсудность уголовного мира, чья юдоль тоже находилась прямо с противоположной стороны дома, о котором шла речь. Оттуда пропал злополучный Рубашкин Виктор – участник войны в Афганистане и законопослушный гражданин.

Поэтому у Тани появилась мысль: «А не спрятался ли кто-то из подозреваемых в самом исправительном учреждении, а потом вышел на свободу и стал тормозить своим поведением полицейское управление, и взывать о помощи к своим насущным нуждам по реформе ЖКХ».

Но такая специфическая формулировка раскрытия тяжкого преступления не допустима у младшего офицерского состава.

⁸ Человек разумный – вид рода Люди (Homo) из семейства гоминид в отряде приматов, единственный живущий в настоящее время.

Значит, надо тащить все опять на себе с базара домой, чтобы выжить в условиях зависимости от своих вредных привычек: курения, гадания на костях, распития минералки прямо из горлышка, смакования ароматного кофе, поглощения пирожных, посещения стоматолога и не соблюдения режима дня при любом раскладе карт Таро, игры в нарды или шашки. Чему она едва смогла научиться у своих завсегдаем в ай-паде. Зато каждое сложное дело проводила с энтузиазмом дикой кошки, а ответственность перекладывала на подполковника Кирьянова.

Словом, прикрывали друг друга в каждом запутанном уголовном клубке. Судмедэксперта – майора Семенюка – она брала во внимание исключительно с корыстной целью. Но и тут вставали проблемы с решением финансовых вопросов: кто пойдет сдавать весь хлам полицейского управления в архив?

На что у Тани появилась отличная версия, что этим должны заняться сами подозреваемые в преступной деятельности свидетели, кому требуется отсрочка в исполнении приговора.

Таня, когда сказала обо всем подполковнику Серегину, он с радостью согласился взять на себя ответственность за надежность, проникся симпатией ко всем выходкам сыщицы из ее укрытия, прикрывая своим авторитетом трудные переживания «преступных» группировок спа салонов по изъятию у Тани денег в эквиваленте, полученном от клиентов. Иногда даже приглашал девушку принять участие в гонках на выживаемость, ралли Париж—Дакар в качестве штурмана, чтобы снять стресс после очередного раскрытого преступления века.

В конечном итоге, в ходе переговоров девушки Наташа и Таня договорились встретиться прямо у подъезда дома пострадавшей. Разоблачить всех наркоманов-дилеров, чтобы самим встать во главе колонны, движущейся к светлому будущему – прогрессу человечества в независимости от своенравного характера генерала Кедрова, являющегося главным символом морали, индивидуализма, правоты, здорового авантюризма, везения, душевного спокойствия, респектабельности.

Новый звонок заставил Наташу освоить язык жестов. Она предложила Юрию, уставшему слушать ее бесконечные разговоры по телефону, включить телевизор или почитать что-нибудь еще в детективном жанре для развития его умственных способностей, логики, математического анализа.

– Это Свирский вас беспокоит, – сказал Костя, находясь все еще в издательстве и заканчивая верстать свою научную брошюру для работников политической элиты перед приближающимися выборами в Госдуму. – Буду надеяться, что вы напишите и пришлете нам какую-нибудь новую оригинальную книгу, когда получите гонорар от продаж, – он предложил продолжить сотрудничество в сфере книгопечатания.

– Обязательно учту ваши пожелания, – формально ответила Наташа, но постаралась запомнить его веское предложение не терять из виду самые важные события своей жизни, в итоге написать мемуары с элементами комедии, трагедии, драмы, чтобы вооружиться терпением для воспитания будущего поколения акселератов⁹-школьников, широкоинформированных и одевающихся гораздо лучше своих уважаемых учителей.

Наташа, поглощенная неожиданным сообщением от Кости, подошла к зеркалу и, разглядывая усталое отражение лица, обратилась наконец к Юрию, который уже сидел на диване и читал в первой попавшейся под руку рекламной газете объявления о местных ритуальных услугах, театральных представлениях, концертах.

– Сегодня надо забрать маму из больницы. Там уже я все заказала и гроб, и венки, и бальзаматора. На машине все привезут сюда. Мы завтра после похорон, если ты не возражаешь, поедem в типографию и возьмем сигнальный экземпляр книги.

⁹ Акселерат – ребенок, подросток, отличающийся ускоренным физическим и физиологическим развитием.

– Правильно. Хорошо, что ты позвонила туда и сказала об ошибке. Хочу надавать этому негодяю, твоему соседу Южному, по физиономии. Бывают ошибки и в медицинской практике, но настолько отвратительно видеть потом кающегося грешника, что нет слов, – почувствовал друг и, отложив газету, включил плазменный телевизор, где на экране появилась реклама лекарств, косметики, а потом новости.

– Прошу тебя, выключи эту белиберду. Так надоела вся возня вокруг военных вопросов. Каждый по-своему хочет заработать на этом... И журналисты, и операторы, и учителя, – проговорила она весомо. – Вот что я буду говорить на уроках по биологии детям? – спросила она, делая ударение на вопросительном слове «что» и без паузы продолжила, – бог создал людей, а война уничтожила, так? – снова спросила Наташа и стала закрывать зеркало в прихожей и ванной черными и белыми драпировками.

Комната превратилась в подготовительную фазу капитального ремонта.

– Обрати внимание на стиль... Какие изумительные у них пятнистые черно-зеленые спортивные костюмы и черные повязки на голове. Даже глаз не видно, – заметил Юрий, переключая пульт на сообщение, где говорилось о крупном захвате заложников в одном из университетов стран Ближнего Востока.

– Отец рассказывал мне, что ударной силой Аль-Каиды являлись ветераны войны в Афганистане из США и наемные убийцы, – она запнулась, поправляя съехавший шов на черных колготках. – Такими рассказами о путешествии за границу развлекал бывший афганец – Виктор Рубашкин своего соседа, навязывая ему различные фото с автоматами Калашникова наперевес на всех блокпостах, где проходил досмотр багажа, – произнесла она официально. – Они любили там устраивать концерты. Отец даже целый диск записал этих песен для меня, чтобы узнала, какие у него были талантливые друзья. Некоторые из них погибли...

– Наверно и ордена у отца имеются?

– Есть что-то наподобие... – голос у Наташи осекся.

– Вот и сходи со списком орденов и медалей в военкомат, они там быстро отыщут всех его друзей, к кому отец мог поехать... – Юрий начал раскручивать свою версию пропажи отца хорошей знакомой. – Думаю, что у них есть эти записи где-то.

– Сосед тоже служил года два в другом месте, они кажется знали друг друга с юности. Но это только мои догадки... Книга была написана мной лично под диктовку папы и по его дневниковым записям, когда конечно мамы дома не было. Она не любила, чтобы он наговаривал мне на диктофон, а потом после работы я просто садилась и печатала на компьютере один текст со своими поправками и литературными вкраплениями. Очень жесткий у него стиль, понял? – спросила Наташа и полезла в сервант.

– Как не понять... Но есть ли у тебя вещественные доказательства его службы, – заинтересовался гость прозорливо. – Посмотри в документах удостоверение инвалида твоего отца...

Но она надеялась найти какие-то старые тетради с планами карт местности, сделанные капитаном Рубашкиным во время разведвылетов, разнарядку продуктов питания, боеприпасов и обмундирования.

– Все списки военнослужащих своего взвода, переданные ему после окончания военного училища у него имелись, но он потерял в горах это неоспоримое доказательство его участия в военных переворотах с первых дней захвата дворца Амина, – она запнулась, глядя на реакцию гостя. – Занималась изучением дневниковых записей его друзей по вертолетному отряду, с кем они вместе служили и перевозили убитых, раненых с одного госпиталя в другой.

– Понял, ты что-то знаешь об армейской службе, – заключил Юрий.

– А потом некоторых гражданских лиц ему доводилось перемещать из кишлаков в центральную больницу Кабула для переливания крови и проведения, как это у вас врачей называется, – Наташа внезапно запнулась и кашлянула, – обследования?

– Да, ты правильно говоришь, – одобрил Юрий рассказ подруги, проникаясь все большим уважением к ее деятельности восстановления справедливости для бывших военнослужащих, прошедших Афганистан.

– Некоторые в плену были незаконно лишены своих гражданских прав в получении пенсии или оформлении инвалидности. Тем более отец сам не раз принимал участие в проведении сложных военных операций на территории сопредельных государств. Там условия позволяли спать под открытым небом в ночное время в любой сезон года.

– Все ясно, что ты и писатель по совместительству. Когда только люди находят свободные часы для мемуаров? – он саркастически улыбнулся, так как тоже мечтал заняться написанием крупного произведения о разведчиках или парашютистах.

– Вот видишь мозоли на пальцах. Все от книг и тетрадей учеников и студентов. Гнать их надо из школы, чем строже, тем лучше, – иронично проговорила она, мечтая быстрее закончить все накопившиеся дела с изданием второй книги воспоминаний, которую ее отец оставил в тетрадных записях и вырезках из газет того времени.

Она церемонно сняла туфли с затекших ног, села на диван в некотором отдалении от Юрия. Положила голову на ладонь, упершись локтем о тумбочку, как иногда сидела ее мама и смотрела телевизор.

– Занятно, – сказал Юрий и увидел слой пыли на мебели. — Война без союзников или врачи без границ. Такие заголовки вряд ли появятся в прессе.

Состроив умозрительную улыбку, Наташа встала с дивана и ушла на кухню разогревать ужин. Но, открыв холодильник, увидела недопитую бутылку водки. Достала сало, овощи. Порезала хлеб, открыла консервы из шпрот, любимые всеми из-за прекрасного вкуса копченой рыбы. Поставила хрустальные рюмки, разлила по целой стопке, положила мельхиоровые вилки. Сервировала стол на двух персон, не забыв накрыть дешевую, тефлоновую, кружевную скатерть и две льняные салфетки. Ей почему-то стало казаться, что отец тоже умер вместе с мамой, хотя полицейские отрицали этот очевидный факт.

– Идем, поедим гречку с гуляшом и щи, – предложила она и стала размешивать кашу, только что поставленную разогреваться на плиту. – Водку будешь?

– Прими к сведению, я дома обедал после дежурства. У меня строгая диета никакой жирной пищи и переедания. Водку выпью на поминках, когда буду без машины.

Она услышала, как он встал со стула и тяжелой поступью двинулся на кухню.

– Договорились, – она согласилась и с грустным видом «опрокинула» одну стопку в щи, а в другую налила на доньшке – ровно пять грамм аптекарского веса.

– Вкусно пахнет, наваристые...

– А то! – она расслабилась и задумалась. – Мясо еще отец покупал на рынке, когда мама здоровая была. Вообще-то я говядину не ем, но сейчас тебе положу чуть больше.

– А что ты ешь? – спросил гость, посмотрев исподлобья на хозяйку, когда стоял у прилолки и глядел, как она размешивает в кастрюле душистое варево. – Зачем же две рюмки?

– Спиться хочу. Ни как ты, все о трезвости глаголишь, – ее расположение духа перенесло в стены школы, и она вспомнила, как сотрудница поминала родственницу после трехдневного отпуска по причине похорон, что все учителя угощались принесенными ей из дома бутербродами с колбасой, помидорами, огурцами и конфетами.

– Ну, а серьезно? – Юрий продолжал смотреть в дверях, как она разливала в стаканы минералку. – Нравится работать с детьми?

– Конечно, нравится. Обедаем все на работе в школьной столовой. Там хорошо кормят вместе с детьми. Коржики, пончики, галеты, пирожки... Сам знаешь. Что не учился никогда? Даже молоко иногда приходится пить, от детей остается и нам перепадает на бедность.

– Ну, это ты брось. У тебя хороший достаток и вкус. Про себя не забудь, – сказал поучительно помощник хозяйки. – Налей чуток, по самый краешек, – равнодушно произнес он. – Сама не боишься набрать калории?

– Нет, не боюсь. Это остатки пайка, который папа получал каждый год к праздникам.

– Конечно, за здоровье выпить можно, но воздержусь... – проговорил Юрий.

Он проникал в самую затаенную частичку души Наташи и понимал ее стремление угостить человека, заинтересованного в помощи полиции для составления протокола о местонахождении Рубашкина Виктора и возвращения его домой. Как тот когда-то спасал военнопленных, перевозил на вертолете в Душанбе, Фергану, другие приграничные территории.

– Согласна, – согласилась нервно Наташа.

– О таких людях, как твой папа, легенды ходят. Тогда много было призывов вступать в армию, но что-то мало было желающих гибнуть под выстрелами автоматов в чужой стране.

– Может быть мало, я тогда маленькая была, ничего не помню. От мамы узнала, что там были хорошие традиции выдавать к девятому маю каждого года пятьдесят грамм фронтowych с гречневой кашей и тушенкой, – пояснила она гордо, вспоминая деда – участника Отечественной войны.

Она принимала во внимание интеллигентный внешний вид гостя. Наличие у него зарубежной иномарки *Ford Mondeo* по цене до \$1,5 миллиона. Отличные спортивные качества Юрия, приобретенные в спортклубах, подтвержденные за время прохождения внештатной командировки в Африку. Для вакцинации местного населения от малярии, гриппа и других разновидностей заразных, инфекционных заболеваний, когда требуется принимать срочные меры по борьбе с пандемиями, он приобрел навыки выживаемости.

– Налей мне воды, а кушать без тебя не буду. Сама садись и поешь, – потребовал он, достал из буфета стаканы и поставил рядом с тарелками, полными наваристых щей с кусочками мяса посередине и чуть-чуть сметаны, выложенной из банки, принесенной из местного привоза молпродуктов с этикетками о прохождении санэпиднадзора, то есть отсутствием бруцеллеза у животных.

– Вот и стараюсь попасть бутылкой в стакан. Под руку не толкай, – нервно произнесла Наташа.

Ее нижняя челюсть затряслась, и она все-таки разлила воду из сосуда на стол, вяло соображая, что происходит.

Юрий по-хозяйски зашел на середину кухни, взял с плиты полотенце, вытер воду, самостоятельно переставил налитые две тарелки щей с ароматным привкусом мяса и корней. Вдохнул вторично, но уже более настороженно и как-то с трепетом. Вспомнил свои внештатные поездки за границу в жаркие страны с дипмиссией по освобождению нигерийских заложников и работу в Эфиопии в лагере беженцев, фотоохоту на львов. Нескончаемую вереницу раненых, контуженных после массированного бомбового обстрела приграничной с Ираком территории.

Туда его посылали для наведения порядка среди потерявших свои дома местных жителей и для санитарной обработки палаток беженцев из-за внезапных вспышек эпидемий панкреатита, гепатита А-Е, паратифа, холеры, гриппа Эбола, СПИДа, кори, сифилиса и дифтерии.

Юрий присел на край стула и с аппетитом принялся поглощать все, чем угостила его Наташа, не забывая проглатывать огромные куски поклеванного хлеба. Корочка отрезанного ломтя хрустела у него на зубах, но он старательно пережевывал и брал следующий кусок, не глядя по сторонам, как все голодные, пришедшие с работы, мужчины.

Наташа специально положила себе в тарелку чуть меньше, чтобы не выглядеть обжорой и, не обращая внимания на звук работающего в зале плазменного телевизора, мудро проговорила, замещая отсутствие местной радиоточки:

– Моей маме эта кумовство с соседом не нравилось. Осталось много фотографий отца, но некоторые куда-то исчезли. Надо поискать в чулане, – так она назвала встроенный шкаф для белья. – Если книгу растажирали... – она смутилась и почесала правую руку. – Получу деньги от «кассира» Южного. Потом будем думать о дальнейших шагах.

– Да, да я понял. Заберем твою маму сегодня из больницы, и завтра без проволочек я пошел на работу, – ответил друг, как школьник, слушая наставления учительницы, чтобы быстрее закончить отработку за пропущенное занятие, увлеченный рассказом Наташи.

– Как знаешь. Ночевать одной с покойной, не смотря на ее заботу обо мне, в квартире не хочу. Предлагаю остаться тебе сегодня у меня, если не боишься, что нарушу твою девственность...

– Вот этого я как раз и боюсь, – изображая смущение, сказал хирург-кардиолог. – Надеюсь, ты тоже не девственница? – сказал он и характерно посмотрел на свои сильные руки.

– Тебе понравился редактор? – спросила Наташа, так как переключилась на другую тему и стала выяснять, кому из редакции издательства следует вручить секс символ. – Курьезный случай, по-моему.

– Свирского лечил год назад. Обращался ко мне по поводу аппендицита. Хочешь, могу тебе рекомендовать опытного специалиста. Например, кардиолога? – поинтересовался Юрий, понимаяюще взглянув на нее.

– Нет. Мне хватило, что обследовали маму. Поздновато конечно...

Наташа почувствовала напряжение от воспоминаний прошлой ночи. Она подлила вторую рюмку водки себе, а ему воды. Они, не касаясь краев хрустала партнера, выпили, заедая темно-коричневым хлебом с салом, купленным по дороге из издательства.

– Мама часто слышала, как процветающий сценарист уговаривал отца напечатать его воспоминания. Потом с этим участком волокита... – продолжила Наташа после паузы.

Она думала о смерти родного человека без сожаления, но внутри груди, прямо, где сердце, что-то подкатывало и подсказывало, что следует быть более терпимой к сложившейся ситуации, тем более у нее, кстати, нашлись силы, чтобы договориться с врачом о хорошем уходе в случае операции.

Об этом ей сейчас совсем не хотелось говорить, поэтому доела и молча убрала со стола посуду, когда Юрий отодвинул от себя пустую тарелку, после того как попробовал ароматную гречневую кашу с гуляшом и подливкой.

Как в военные годы, он забыл поблагодарить сестру милосердия, лишь продолжил разговор на начатую раньше тему о приусадебном наделе земли, выделенном ее отцу бесплатно, в качестве награды за получение *Ордена Славы* 3 степени, который давался в исключительно редких случаях.

– Каким участком? – спросил Юрий, взвешивая возможные варианты использования места отдыха на берегу Волги в летний период.

– Да, дачи у нас в одном месте с Южным, а между ними оказался брошенный садовый участок. Шесть соток. Так отцу разрешили им пользоваться как своим. Но сосед претендовал тоже на собственность. Ходил к адвокату... Собирался оспаривать наши права на землю, – сказала Наташа и скисла.

– Такая проблема поправима, думаю, – Юрий стал всматриваться в лицо хозяйки и обнаружил, что она очень симпатичная, с короткой стрижкой русых волос, голубыми, глазами, прямым носиком, пухлыми губами, полноватая, с сильным характером и украинским темпераментом. – Адвокат делить участки поровну не предлагал? Легче обрабатывать...

– Вот ты знаешь, – Наташа обидчивым шепотом произнесла, – такое решение проблемы ни у кого не возникало в голове. У тебя отличные филологические способности.

Юрий забыл, где находились ближайшие адвокатские конторы, поэтому часто вопросы юридического характера выяснял при помощи СМИ или по телефону. Он церемонно немедленно выключил телевизор. Стал собираться уходить, чтобы поехать в больничный морг и забрать с подругой тело ее матери для захоронения. По ходу прошел в прихожую и стал торопливо надевать сетчатую ветровку с множеством карманов, снятую им в холле еще до отъезда в издательство.

– Надеюсь тебе понравится. Вижу, что мои попытки ухаживать за тобой имеют нормальный феноменальный успех, – он старался держать приличную дистанцию от аппетитной девушки.

– Самоуверенности тебе не занимать!

– Не слишком торопись, я подожду тебя на улице, – посочувствовал он, вышел из квартиры и отыскал глазами на стоянке свой черный отполированный до блеска *Ford*.

Наташа скромно примирительно улыбнулась, нашла в сумочке французские духи *Opium* от *Yves Saint Laurent*, купленные ей по просьбе отца, брызнула пару раз, померила другие туфли типа балеток, но предпочла остаться в тех же черных, лаковых на каблук.

Сняла атласный пиджак, повесила на плечики, осталась в черной, прозрачной, гипюровой кофте и велюровой юбке. Порылась в платяном шкафу, нашла где-то на полке темный, капроновый шарф с кружевными краями и бархатными вставками, расправила, накинула на плечи и, отыскав ключи в ключнице на стене, спокойно закрыла дверь.

Глава VII

Было еще достаточно светло. Молодежь в джинсах и разноцветных майках группами разгуливала по улицам, дети в сидячих и лежащих колясках с мамами гуляли в городских скверах. Пара на «форде», наконец, подъехала к моргу клиники с боковой стороны улицы. Туда обычно съезжались автобусы разных фирм, форм и модификаций, но с одной целью – отвезти на кладбище тех, кому требуется эта услуга – захоронение.

Медбратья вынесли усопшую Клавдию Рубашкину на носилках, завернутую в простыню. Положили на откинтое переднее сиденье справа как живую, облаченную в ту же одежду, в которой привезли в клинику два дня назад. Слева, за водителем на заднее кресло, рядом села ее дочь и обмахиваясь газетой как веером, проговорила сдержанно и надменно, демонстративно вытаскивая что-то из кармана, обращаясь к студентам-дежурнтам, работающим на полставки:

– Спасибо за помощь.

Она дала каждому по купюре небольшим рублевым эквивалентом, а Юрий бойко захлопнул заднюю дверцу и по-деловому сел за руль блестящей черной, как по заказу, машины.

– Мама, проводим тебя в последний путь по-хорошему, – захныкала Наташа. – Папу найдем с Юрой живым или мертвым.

Они без пробок доехали до дома. Наташа вышла первой, он поставил *Ford* прямо перед дверью подъезда и автоматически открыл заднюю дверцу, осторожно взял остывший труп на руки. Наташа моментально вбежала в подъезд, распахнула входную дверь и позволила ему зайти внутрь.

Затем взбежала по лестенке и отворила дверь квартиры, позвякивая ключами с брелком.

Вдвоем они занесли тело в прихожую, положили на диван в комнате и облегченно вздохнули.

– Не отчаивайся, могу что-то приобрести на поминки, – вспомнил Юрий, собираясь уходить.

– Все заказала, можешь только цветы купить... – она поправила на лице матери выбившиеся волосы, разгладила платье и убрала помятую больничную простынь, которую забыла вернуть медбратьям. – Вот возьми, случайно осталась у меня эта вещь, – покосилась она на Юрия, – спасибо за все.

– Да, спасибо... – рассеянно повторил он, положил свернутый листок выписки из истории болезни в задний карман брюк, а простынь в пакет с ручками.

– Два венка будут от детей и родственников, за которые уже сама заплатила, – она стала считать расходы. – Как все дорого! – с пафосом произнесла она и замолчала, перелистывая квитанции с текущими расходами.

Молчание подруги было невыносимым для врача и друга.

Неожиданно лицо Наташи побледнело, она повалилась на рядом стоящий стул в полном оцепенении и отчаянии. Юрий удивленно уставился на хозяйку дома, соизмеряя, что предпринять в данной непростой ситуации. Он взглянул на сидящую в оторопи женщину, взял ее за левую руку, там, где находился пульс и стал смотреть на свои красивые, дорогие швейцарские часы, измеряя ее сердцебиение, сравнивая с движением секундной стрелки. У Наташи был медленный пульс. Поэтому Юрий, оценив ее состояние здоровья, начал тереть ей виски платком, намоченным водкой, оставшейся от вечернего пиршества и найденным им в холодильнике. Тогда Наташа в одиночестве, чтобы скоротать время пригласила к себе подругу по работе в школе Люду, и они за разговором о предстоящих экзаменах ЕГЭ

в школе, распили полбутылки и оставили для следующего визита кого-нибудь, чтобы скрасить одиночество молодой женщины.

Юрий предполагал, что произошедший крупный разговор в издательстве об определении авторства будущего мирового бестселлера сильно подействовал на нее.

Оставлять в таком состоянии подругу одну ему по долгу службы было нельзя, а брать с собой женщину с внезапным приступом стенокардии и везти ближайшую поликлинику не хотелось. Тогда он решительно скомкал простынь, привезенную случайно из морга, положил в изголовье дивана, отодвинул к стенке труп и, для облегчения себе задачи, приподнял Наташу и старательно положил на диван рядом с покойницей, сравнивая необычайное внешнее сходство.

Минут через пять он поднес девушке к носу тот же платок, чуть-чуть намоченный нашатырным спиртом, найденным на кухне в аптечке. Она порозовела, губы приобрели тоже нормальный цвет и, открыв глаз, приподнялась с дивана, не глядя на то, что она рядом с человеком, о ком так заботливо ухаживала последние сутки. Приподнялась, села на тот же стул. Участливо посмотрев на Юрия, заметила, что он как-то выглядит странно и нереально лишне среди вороха одежды, который она успела достать из рядом стоящей тумбочки и стала перебирать, припоминая назначение каждого предмета туалета покойницы, чтобы ту облачили в нужный комплект белья.

– Мне стало плохо, но сейчас полегчало... – сказала она.

– Ты знаешь, пойду домой, высплюсь, надоело здесь у тебя толкаться среди вещей. Крепись и не ешь на ночь, а то будет несварение, если боишься, то позови на помощь соседей. Они у тебя в долгу и обязаны мне твоей жизнью. Помнишь, как упала в обморок? – спросил он, так как разбирался в диагнозах, но не хотел пугать Наташу, поэтому ничего утешительного в данный момент не мог произнести.

– Да. Сейчас соседи съедят свою диетическую пищу... Пойду выяснять, кто такой этот Южный, чтобы присваивать наш авторский гонорар, – решительно произнесла она, едва понимая, что только была на краю смерти и могла поплатиться жизнью за чрезмерную чувствительность к людским нуждам и безразличие к собственному здоровью. – Слышал, дорогой?

– Вот попроси у них чуть-чуть этой клубнички. Пусть дадут блюдечко самых крупных ягод. Тебе сейчас не помешает восполнить дефицит витаминов в организме.

– Сама знаю, что делать в таком случае, а ты езжай домой и спасибо за все, – она внезапно произнесла истерически резко и посмотрела на Юрия восторженным взглядом. – А вообще-то помоги мне передвинуть шкаф, тем более всю одежду оттуда мы уже достали.

Ее внимание привлекло, как Юрий крепко держится на ногах, ей захотелось его поцеловать и пригласить куда-нибудь на концерт или к себе на работу познакомить со всеми сотрудницами, особенно с Людой, чьи взгляды на мужчин были во многом отличными от взглядов самой Наташи.

– Сразу надо было говорить. Конечно, помогу, о чем разговор, если в доме покойник надо срочно освободить место для гроба. У тебя есть, на что поставить этот предмет ритуальных услуг, – спросил гость, удивленный ее предприимчивостью.

Они вдвоем встали рядом, прислонившись к боковой стенке платяного шкафа, и легко передвинули пустой гардероб в соседнюю комнату к боковой стене.

Затем Наташа одним махом перенесла самые крупные вещи, а мелкие оставила лежать на полу и на полированном столе, рядом с большой хрустальной вазой и медицинскими рекомендациями.

От усталости Наташа рухнула на кресло, на котором сидел помощник и друг. Они стали целоваться, не обращая внимания на интерьер и наличие в квартире покойницы, как сгоряча сказал темпераментный Юрий.

– Вот теперь можешь идти, – распорядилась хозяйка квартиры.

– Слегка отдохну, – сказал гость, – воды принеси, пожалуйста.

Они немного успокоились от вожделения и жара. Наташа с усилием встала с кресла, опираясь на спинку дивана, стоящего рядом. Включила кондиционер. Стало намного прохладнее. Начал улетучиваться запах корвалола и валерьянки, принятой ей вчера на ночь.

– Да, вот, – Наташа налила ему целый стакан прохладной жидкости. – И я выпью заодно, а то совсем жарко стало...

Проводила друга до двери в надежде, что у него есть капля совести, и он будет звонить ей после завершения ее мучений и треволнений.

– Откуда ты знаешь об особенностях дачного бизнеса у семьи Южных? – спросила она его у порога, вспомнив предыдущее наставление Юрия о снятии пробы с богатого урожая клубники.

– Знаю, догадался... – ответил он однозначно и, откланявшись, вышел из квартиры на улицу.

Входную дверь Наташа плотно захлопнула, оставшись наедине с прахом матери, так как Юрий, выполнив свои обязанности, срочно уехал домой, пообещав вернуться рано утром перед работой помочь с захоронением и поминками.

Чего собственно она ожидала от него в надежде на дальнейшую помощь и поддержку.

Он прошел через бесплатную стоянку около подъезда, где красовались недорогие иномарки, стоимостью в пределах полумиллиона рублей. Нашел свой новый «форд» и двинулся по шоссе приобретать новые знания о правилах дорожного движения в пределах видимости.

Дома он отыскал на ноутбуке сайт американских военных афганского периода. Возмутительно активно посещаемый их поклонницами и всеми любителями острых ощущений. Скачал несколько цветных фотографий, распечатал на лазерном принтере и приготовил отдать в руки полиции, чтобы доказать свою помощь им в любое время, когда у них возникнут проблемы с лечением. Нехотя отложил в сторону накопившиеся проблемы личного порядка. Стал читать о научных открытиях в области эмбриологии, внутренних болезнях, возложение координации действий силовых ведомств на случай терактов и БД на бригады оперативного назначения, отдельные отряды СПН ВВ МВД. Вооружившись теорией, он начал звонить по делам и договариваться через подполковника Кирьянова о встрече с Таней-сыщицей, чтобы передать ей найденный секретный материал для исследования по специальной программе в лаборатории для определения качества и правдивости найденной съемки.

Подполковник отодвинул свои проблемы по охране госучреждений и передал номер телефона частной сыщицы опытному хирургу, чтобы тот помог решить проблемы следствия.

* * *

Вечером часов в десять к Наташе приехали из бюро. Завершили то, что было положено по разрядке заказа. Крышку гроба, обитую красной тканью, выставили в коридор. Соседи в это время заканчивали выгружать ведра клубники из машины и заносили в квартиру.

– Надо позвонить участковому, поговорить о книге отца. Пусть этот вопрос заставит искать быстрее, – сказала она себе вслух, взяла из сумки телефон и набрала номер местной полиции.

– Дежурный слушает, – донеслось из телефона, и Наташа сдержанно переложила трубку в другую руку.

– Это по поводу исчезновения моего отца – Рубашкина Виктора Ивановича. С кем я разговариваю?

– Лейтенант Папазян.

– Хочу срочно сообщить... – Наташа замялась, подбирая нужные слова. – Просто не знаю, как это называется плагиат или душевный яд?

– Да, я вас слушаю, говорите, – доверительно прозвучало в ответ. – Сейчас запишем все по порядку. Рассказывайте, пожалуйста.

– Мое дело находится у вас на рассмотрении у подполковника Кирьянова. Напишите, что у Рубашкина была рукопись, набранная мною, его дочерью. Но в силу непредвиденных обстоятельств – внезапной смерти моей мамы – недавно исчезла и вышла книгой под фамилией нашего соседа Южного...

– Что за фамилия такая? – поинтересовался дежурный робко, продолжая записывать сведения, которые уже нашел в компьютере.

Он стал добавлять более полную, детальную информацию по делу об исчезновении бывшего афганского военнослужащего с орденами и медалями за боевые подвиги на приграничной территории, где иногда возникали столкновения и конфликты с перебежчиками.

– Запишите, Южный Максим Сергеевич украл нашу рукопись и издал, – закончила Наташа озабоченно. – Когда мне подойти к вам?

Наташа не удивилась, что у полиции есть сведения, которые она сообщила недавно им. Она обрадовалась нормальному ведению следствия.

– Завтра мы сами подъедем и разберемся в неуместных грабежах квартир, – отчеканил лейтенант. – Адрес?

– Адрес тот же, можете даже на поминки остаться. У меня родственников мало, будете вместо них, – Наташа щедро пригласила офицеров управления полиции на поминки, чтобы быть защищенной от внезапного вмешательства домогательств соседских детей или самого сценариста с его военной выправкой, но слишком углубленного во все семейные тайны Рубашкиных.

Она быстро положила трубку, кинулась на кухню. Выпила тридцать миллилитров воды, разбавленной корвалолом, запила компотом из сухофруктов, предварительно сваренных и остуженных. Этот напиток она носила маме в больницу, но оказалось, что мало положила сахару, что побоялась угощать им друга, так много сделавшего для нее, начиная с первых шагов, когда на дачу вызвали инфарктную бригаду, в которую внештатно влился реаниматором Юрий для подработки.

Сидеть рядом с покойницей на стуле Наташе не хотелось, поэтому она прошла в свою комнату-кабинет, взглянула на полки с книгами и учебниками по биологии, энциклопедию, тетради с планами уроков, что всех принуждали делать на первых порах работы в течение трех лет. Просмотрела несколько листов проверенных контрольных тестов учеников своего класса.

Открыла чехол для одежды, набитый полностью костюмами и летними нарядами. Переделалась в черное, бывшее мамино, траурное платье, найденное среди подушек и предназначенное для торжественных случаев. Легла, не раздеваясь, прямо в одежде спать на застеленную пледом кровать, отрешившись от всех забот и печалей. Но уснуть ей не удалось.

Она вспомнила, что нужно поговорить с соседом Южным относительно своей рукописи. Встала с кровати, одернула траурное платье. Вышла в коридор, несмело постучалась в соседскую дверь. Ее внимание привлекло количество песка, грязных следов от обуви и черешки клубники на полу. На пороге появилась Инна с красными, от долгого сидения за компьютером, глазами. Вопросительно посмотрела на все происходящее.

– Отец дома? – забеспокоилась Наташа, наглядно доказывая свой траурный вид.

– Соболезную, – ответила девушка. – Сейчас позову.

– Зови скорей, мне нужен совет по его сценариям и режиссуре. Буду отмечать поминки завтра с присутствием понятых и полиции, – она специально повысила голос, чтобы ввести Южного в курс своей деятельности по поводу похорон.

Появился на пороге сначала Антон, а затем Зина. У всех нисколько не вызвал недоумения столь поздний визит девушки, да еще в трауре. Они ждали подобного визита и готовились принять удар на себя.

– Уйдите отсюда, – услышали все слова сценариста, который виртуозно отстранил членов семьи от двери и смело взял Наташу за руку. – Что-то не так?

– Все не так, как вы думали, – она выдернула руку. – Несите расписку, что завладели моей книгой «Записки командира подразделения» без моего согласия, понятно? – ее голос вопрошал из глубины души. – Найму адвоката и буду подавать иск в суд на рассмотрение авторских прав. У меня есть рукописный оригинал... – говорила она приготовленную заранее речь.

– Этого не может быть, – лицо у сценариста побледнело и приняло вид несвежего перезрелого огурца, растущего у них в огороде. – Докажи?

– Завтра в присутствии понятых и полиции, после похорон. А благодаря твоим заботам у меня не было денег, чтобы расплатиться с гробовщиками... – запротестовала Наташа, встала в позу львицы, хищно обозревая заваленную тазами кухню и просторную прихожую с висячим цветным плафоном.

– Извини, соболезную, – он испытующе посмотрел на нее своими темными глазами, – так наверно и надо. Наши дети должны заботиться обо всем на свете, кроме себя, – нравоучительно высказался он.

– Какие дети? Ты что с дуба рухнул, сейчас найду телефон следователя. Пусть едет немедленно и разбирается с тобой красивым, – она выставила вперед правую ногу, чтобы он не закрыл перед ее носом дверь.

– Разрешика, – нагло оборонялся сосед. – Устраивать дебош не стоит...

Наташа от ярости вцепилась ему в майку обеими руками и стала трясти со всей силой, повторяя одно и тоже.

– Пиши расписку, что передоверяешь мне авторство в связи с выявлением новых обстоятельств по содержанию сюжета. Отдам долг за маму ребятам из бюро на кладбище, чтобы все по-честному было с моей стороны, а за папу ты ответишь... – она угрожающе посмотрела в глаза сценаристу и проглотила ком, накативший в горло.

Он удивленно посмотрел в ее сторону и театрально кашлянул в кулак.

– Тише... С тобой невозможно говорить о деле. Надо будет, напишу, но с условием, что ты уйдешь сейчас же отсюда к себе, – произнес он категорично, пытаясь закрыть дверь прямо перед ее носом, но она, находясь уже в прихожей, резко оттолкнула его, двинулась к ним в кухню, ощущая носом свежесть клубники, разложенной по тазам, приготовленной для варки и продажи.

– Ты что делаешь, соседка? – воскликнула подоспевшая Инна с ай-падом в руке, стараясь найти свой почтовый ящик в этой постоянной кутерьме выяснения отношений и скандалов посреди ночи, когда так хотелось спокойно почитать или уснуть.

– А премию за тиражирование можешь отдать лично мне в руки, чтобы без суда, по обоюдному согласию. За поминки на девять и сорок дней надо уже сейчас крупную сумму денег, – обескураженная Наташа сказала все, что у нее накопилось за эту неделю.

– Отстань, нужно разобраться, – снисходительно произнес он. – Завтра поговорим. Сейчас поздно...

– Дурак, это не моя забота. Готовь деньги и не приходи завтра на поминки, а то я уже вызвала полицию и следователей, – выпалила она с ходу. – Объясняю на пальцах... Есть у тебя место где можно закурить?

Терпению Наташи пришел бы конец, но счет сценариста на банковской карте заставил его как-то сжаться и внутренне сконцентрироваться на ее проблеме.

– Кури здесь, жене не буду жаловаться, – сказал он, достал свои сигареты из кармана, протянул ей. – Или пройдем в коридор?

Его щедрость и обаяние нисколько не смутили гостью, а наоборот раззадорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.